

Александр Чернов

ПОРТ - АРТУР – ТОКИО

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Александр Борисович Чернов

Порт-Артур – Токио

Серия «Военная фантастика (АСТ)»

Серия «Мир победившего «Варяга»–2»

Серия «Одиссея крейсера

«Варяг»», книга 7

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68810466

А. Б. Чернов. Порт-Артур – Токио: ООО «Издательство АСТ»; Москва;

2023

ISBN 978-5-17-153626-8

Аннотация

Если враг не сдается, его уничтожают. Или понуждают к миру, если не жажда мести и грабежа, а политический прагматизм и человеческая гуманность превалируют в числе побудительных мотивов побеждающей стороны.

Стяжав победу в генеральном сражении флотов у мыса Шантунг, избежав кровавых, разрушительных последствий гапоновской смуты, Санкт-Петербург неожиданно предложил Токио мир на почетных для побежденной стороны условиях. Однако великодушное предложение русских отклонено. Армейская верхушка добилась от императора Муцухито решения

продолжать сражаться. Первое серьезное поражение на суше, под Ляояном, не изменяет его позицию.

Но затягивание войны не в интересах России. И царь одобряет две дерзкие операции, предложенные штабом Тихоокеанского флота. Эскадрам Руднева предстоит атака фортов Токийского залива и высадка Гвардейского экспедиционного корпуса для взятия столицы Японии. В то же время тридцать торпедных катеров должны нанести удар по вражескому флоту прямо в его главной базе – Сасебо.

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Не кровавое воскресенье	24
Глава 2. Ночь в серпентарии	75
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Александр Чернов

Порт-Артур – Токио

© Александр Чернов, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Ремейк книг Г. Б. Дойникова «„Варяг“ – победитель» и «Все по местам! Возвращение „Варяга“».

На основе оригинального таймлайна «Мир „Варяга“-победителя–2» (МВП-2).

Большие «Варягов»! Хороших и разных!
Г. Б. Дойников

Пролог

Порт-Артур, Корейский пролив.

31 декабря 1904 года

Сразу по приходе флота в Порт-Артур крейсера «Варяг», «Богатырь» и броненосец «Князь Потемкин-Таврический» встали под угольную погрузку. С ними вместе готовился к выходу в море «Орел». На трех кораблях в авральном порядке чинили боевые повреждения, а на вернувшиеся от Шантунга принимали припасы и грузили боекомплект. Двум броненосцам требовался доковый ремонт во Владивостоке, поскольку здесь, в Артуре, к установке доставленного «Камчаткой» нового батопорта дока пока даже не приступали.

Объяснялось это одним простым фактом – адмирал Макаров прекрасно понимал, что работы эти потребуют от четырех месяцев до полугода. Нужно было забить множество свай, осушить участок перед воротами, расширить вход в док и вновь сложить там гранитную кладку. Поэтому после генерального сражения, если таковое случится, флот рисковал остаться без дока в главной базе. Даже ущербного, подходящего максимум для крейсеров. Поэтому командующий решил с этим делом повременить.

Зато сейчас всю кипела авральная работа по достройке нового, большого дока, способного принимать не только эскадренные броненосцы, но и вообще любые корабли и суда

водоизмещением до двадцати пяти тысяч тонн, явно спроектированного «на вырост». Однако, несмотря на все прилагаемые усилия, его сооружение могло быть завершено лишь к началу лета. И это в самом лучшем случае. Если не стряется чего-нибудь непредвиденного...

Тогда как «Князю Потемкину» требовалось «лишь» капитально заделать три подводных снарядных пробоины, на что нужно было буквально несколько дней, для того, чтобы привести «Орел» в относительную готовность к боевому походу после подрыва на mine, требовалась пара недель докового ремонта. Или кессон месяца на полтора, а то и поболее того. К сожалению, полный восстановительный ремонт броненосца, по оценке инженеров, требовал тех же полутора месяцев в том же Николаевском доке Владивостока. А туда после Шантунгского сражения выстроилась целая очередь из броненосцев и броненосных крейсеров.

Поэтому, как выразился Руднев, было принято «компромиссное от безысходности» решение: выгрузив на время перехода почти весь боезапас носовой башни главного калибра, сделать бетонировку в смежных с поврежденным отсеках, надежно подкрепив их силовой набор и переборки. После чего, усилив пластыри и дополнительно обтянув их цепями, довести увечный корабль до Владика, уповая на волю Всевышнего и благосклонность Нептуна. А там, в главной базе, оперативно подлатать броненосец до «временно боеспособного» состояния, с помощью лекальной деревянной

заделки обеспечив его корпусу герметичность и восстановление внешних обводов.

Задача упрощалась тем, что взрыв мины частично пришелся на броневой пояс, который выдержал его. Пробоина же была ниже, в виде длинной, вдавленной в корпус щели, почти без «рванины» и выдранных листов. Однако до проведения полного восстановительного ремонта «Орлу» предстояло держать три носовых угольных ямы пустыми. Две со стороны левого, пробитого борта, и одну – с правого. А при необходимости часть угля принимать в батарею, в мешках...

Как только отоспались измотанные во время боя и блицпочинки, лишенные не только заслуженного победного, но даже и новогоднего празднества команды, четыре корабля выбрали якоря. На «Варяге» вновь поднял флаг контр-адмирал Руднев, которого срочно затребовал к себе главнокомандующий всеми вооруженными силами на Дальнем Востоке адмирал Алексеев, перебравшийся во Владивосток вместе со своим походным штабом, дабы «не стоять над душой» и не мешать Гриппенбергу воевать. Евгений Иванович полностью доверял этому суровому и решительному генералу, а также новому начальнику штаба Маньчжурской армии Леониду Николаевичу Соболеву. Поэтому счел неоправданным давлением сам факт своего присутствия в Мукдене...

Но на начальство и судьбу-злодейку не роптал никто. Ни в кубриках, ни в кают-компаниях. Во-первых, война еще не закончилась, и как грустно пошутил по этому поводу сам Руд-

нев: «ничего не поделаешь, железо нужно ковать, не отходя от кассы». А во-вторых, во Владик необходимо было срочно доставить группу раненых офицеров и матросов, нуждающихся в возможностях медицины, несколько отличных от условий осажденной неприятелем крепости.

Таковыми врачи признали около семидесяти человек. Среди них оказались контр-адмиралы Небогатов и Григорович, чье состояние врачи оценивали как тяжелое, но вполне стабильное, а также метавшийся в горячечном бреду комфлот, жизнь которого находилась в большой опасности. У Макарова гноилась рана на бедре, а после второй операции на руке, когда кроме оторванных осколком снаряда трех пальцев хирургам пришлось из-за некроза и угрозы гангрены отнять половину кисти, Степан Осипович был откровенно плох. Артурские эскулапы поначалу даже признали его нетранспортабельным.

Однако в Петербурге решили иначе: первая партия изготовленного, наконец, в лаборатории Вадика антибиотика, по всем прикидкам, оказывалась во Владивостоке на несколько суток раньше, чем в Артуре. К тому же у «Буракова» – главного порт-артурского средства курьерской доставки мелкой корреспонденции – в итоге постшантунгской беготни случилось повреждение в машине. Пришлось рисковать, поскольку в гонке наперегонки со смертью даже несколько упущенных суток могли оказаться решающей форой в пользу костлявой.

В адмиральском салоне «Варяга», во главе отряда из четырех кораблей на четырнадцать узлах идущего сквозь ночь и снежные заряды проливом Крузенштерна, сидели двое. Василий с Михаилом продолжали свой нескончаемый спор о судьбах России, об армии, о прошлом и будущем. В общем, о жизни. Они уже давно перешли на «ты», если рядом не было посторонних, и сегодня «добивали» тему о психологии на войне. Вернее, сегодня был бенефис Балка, постепенно, по мере увеличения количества выпитого, переходящий в монолог.

Монолог даже не Кола, начальника охраны крупного олигарха, а капитана спецназа ГРУ Колядина, которого в Чечне уважали и свои, и чужие. Михаил давно понял, что в определенные моменты у его наставника прорывается «первая» личность, и сейчас жадно, стараясь не перебить, не спугнуть, слушал голос человека из будущего. Он далеко не всегда и не со всем бывал с ним согласен, но считал, что обязан сначала выслушать своего боевого друга до конца и только потом делать выводы, которые самому Балку иногда можно было и не озвучивать...

– Не... Не скажи, Миш, с «врожденным русским бесстрашием» ты не совсем прав... – Балк задумчиво, со смаком затянулся папироской. В тепле, чистоте и уюте слегка подраги-

вавшего на экономичном ходу крейсера было комфортно, и Василий полностью расслабился, наверное, в первый раз после выхода бронепоезда из Владивостока. – Абсолютно бесстрашный человек – это кандидат в психушку. Почему?.. Ну, во-первых, страх, он есть у всех. Это примитивная биология, вернее биохимия даже. Поэтому бесстрашных не бывает.

– Ну, это тривиально, – не удержался при высказывании такой банальности Михаил. Он ожидал от пришельца из будущего чего-то более оригинального.

– Тривиально, не спорю. Но необходимо для последовательности... Во-вторых, для его преодоления у нас существуют, – усмехнулся Балк, загибая пальцы, – пункт «А» – аппарат, вся иерархия начальства сверху донизу, которая осуществляет пункт «Б» – систему подавления страха. Тут вам и примеры из истории, и страх наказания. Помнишь, у Фридриха, который типа Великий: «Солдат должен бояться палки фельдфебеля больше, чем пули врага». Тут вам и раздача красивых железок – цацек в форме орденов и медалей. И, конечно, экономическое стимулирование.

– Какое экономическое стимулирование может быть на войне? – немного не понял полет мысли собеседника Михаил.

– Здесь-то как раз куча вариантов, от старого доброго «три дня на разграбление города» до современных мне «боевых», «командировочных» и прочих денежных добавок-надбавок. Хотя русский солдат, по сравнению с зарубежными

коллегами, этим весьма неизбалован.

В-третьих, немаловажную роль играет степень обученности индивида. Ну и прочие сопутствующие ей факторы: вера в командира, вера в свое оружие, вера в своих товарищей. И еще, на уровне фона, вера в правоту своего дела. Пусть даже и с религиозным подтекстом, как здесь у вас практикуется. Если такое осознание присутствует на самом деле. Ведь и иначе бывает...

В паузах монолога Балк успевал подливать себе красное вино, до которого в окопах на перешейке руки не доходили с месяц.

– В-четвертых, организм наш, он и сам борется со страхом, ибо полное подчинение ему, как правило, приводит к самым печальным последствиям. Наша тушка это прекрасно интуичит, адреналин выделяется в лошадиных дозах. И вот тут, с моей точки зрения, как раз самое интересное. Ибо те индивиды, у которых этой реакции на страх не было, вымерли, еще когда наши предки скакали по деревьям. Итак, страх... Как люди его пережевывают и во что это выливается? Попробую, пожалуй, для наглядности объяснить тебе графически.

Откуда в руке бывшего спецназовца возник карандаш, Михаил опять не заметил. Эта особенность моторики Василия – делать простые вещи мгновенно и незаметно – в очередной раз ненавязчиво напомнила великому князю о том, с кем он имеет дело. Рука непроизвольно потянулась почесать

шрам на правом бедре...

Балк тем временем уже увлеченно что-то черкал на подвернувшейся салфетке.

– Возьмем горизонтальную ось, определяющую поведение человека в бою. Слева пусть будут животный страх и ужас, до полного паралича и ступора. Лучше всего в литературе это состояние было описано у одного американца¹ (я его еще пацаном читал), когда молодой парнишка усрался под первым минометным обстрелом. Это его, впрочем, не спасло от осколка в череп.

Правый край – абсолютное бесстрашие. В реале такого не бывает, или это психическая патология, но допустим. Лучше всего иллюстрируется другим американским полковником в некоем фильме², который ты, к сожалению, посмотреть не сможешь. Тот янки, опять же под минометным обстрелом, устроил серфинг – это катание на досках по волнам. Классная, кстати, штука. Гавайцы придумали, может, слышал? Ну, будет время, покажу...

Значит, здесь, строго посередине, у нас с тобой будет точка «идеального солдата» – страх полностью уравновешен системой воздействия на него и собственным адреналином. Все остальные состояния – производные по оси в обе стороны.

Да, еще раз повторяюсь, это мое собственное, доморощенное суждение... Так вот, по моей версии и по моим же мно-

¹ Норман Мейлер «Нагие и мертвые».

² «Апокалипсис сегодня» Френсиса Копполы.

гочисленным наблюдениям, до, во время и после боя среди русских солдат доля усравшихся крайне мала – не более одного-двух процентов. Она не сильно, как я заметил, зависит от того, какой это солдат и из какого он времени: срочник, «контрабас», ротный из Афгана или первой моей «пластилиновой» войнушки. Ну или тут: рядовой запаса Сибирского полка, казак или гвардеец.

Не делай круглые глаза, Миша. Название как название. Пластилин – это не только детская мягкая хрень, типа глины с воском, для лепки фигурок всяких и солдатиков. Это еще и их чеховская горная грязь, которую отмыть и отстирать – ума дашь. А еще их жвачка из местной дурман-травки, по консистенции она примерно такая же, многие там баловались... Про пластик, такую же липкую на ощупь, легко формирующуюся пальчиками гексогеновую взрывчатку, которая, кстати, нам и тут очень понадобится, я скромно умалчиваю... Чехи? Да чеченцы, кто ж еще...

Так... Далее, от усравшихся вправо. Скажем так, относящихся к левой четверти оси, от полных штанов дерьма к просто трусливым. Таких у нас, как правило, не более десяти процентов, чаще меньше. Основная же часть русских солдат во все времена находится в диапазоне «осторожный – отчаянно храбрый».

И после того, как я это увидел и прочувствовал сам, и там и тут, появилось у меня твердое убеждение в непобедимости России. Это не патриотический треп, поверь мне, это твер-

дая уверенность. Да, нас можно поколотить, и даже сильно. Но победить – нет. Или очень ненадолго, если быстро успеть припугнуть и облапошить наших вождей на мирных переговорах. Ну, это, по-моему, еще Суворов говорил. Или Фридрих?..

– Василий, а монголов ты за скобки своей философии выносишь? Они вообще-то с Руси дань триста лет собирали, – улыбнулся Михаил.

– Тогда раздробленная на княжества Русь еще не совсем Россией была. Но даже тогда, в том, клиническом случае, чем все кончилось? Сначала эти монголы не только Русь, но всю Азию как нож сквозь масло прошли да раком поставили, а затем еще и две трети Европы до кучи. И что? Следующие триста лет Русь медленно, но верно откусывала от бывшего татаро-монгольского мира по кусочку. Только и осталось от них, что сама Монголия в составе, кстати, Китая. И татары в Крыму да в Казани под властью Белого царя и вполне лояльные граждане нашей империи... Россия вообще у меня в тройке стран состоит, куда с вооруженной силой лучше не лезть никогда, никому и ни при каких обстоятельствах.

– А кто еще в эту тройку входит?

– Вьетнам и Афганистан. Там кто только зубы не пообламывал, и еще обломает. Хотя это сейчас не в тему, но на будущее: в Афгане нам нечего с англичанами делить. Пусть господа цивилизаторы сами огребают.

Теперь про себя. Ты же про личные впечатления «иновре-

менянина» спрашивал? Когда я ехал «за ручей» в первый раз, конечно, боялся смерти, но контролировал себя. Только был еще один страх... И боялся я тогда, Миша, гораздо сильнее, чем смерти, что окажусь полным говном. То есть я боялся себя, боялся, что окажусь тем, кого сам потом уважать не смогу.

И когда я понял, выяснил, что хренушки! Все я могу, и не усираюсь под обстрелом, и адекватно реагирую на обстановку, и могу команды слышать и исполнять, да еще и сам командовать и добиваться от моих бойцов исполнения, да еще и правильного в сложившейся ситуации...

Тут, Мишаня, меня такая эйфория прошибла – просто не описать. Кстати, ее тоже надо победить, причем очень и очень быстро. Потому как именно в таком вот состоянии бешеного куража, как я понимаю, и начинается тот самый серфинг под минометами. Из-за нее, эйфории этой, погибло гораздо больше мужиков, чем усравшихся на дне окопа от случайного попадания...

Михаил привычно пропустил мимо ушей фамильярность: он прекрасно понимал, что вспоминая о *том* времени, Василий автоматически переходил и на *тот* стиль общения. Гораздо менее формальный.

– Кстати, понять, из чего у тебя яйца, как говорится в американской же поговорке, можно только таким образом, и никак иначе. Только под обстрелом. Причем не любым, не учебным, а когда знаешь, что в тебя садят всерьез, и садят

с глубоким, искренним желанием попасть... Нет такого критерия в мирной жизни, вот нет, и все.

А суррогаты вроде экстримов разнообразных, мужики, лезущие на Эвересты, сигающие в море со стометровых скал или иным извращенным способом ищущие адреналина и приключений на собственную задницу, бессмысленностью риска вызывают лишь сочувствие у тех, кто прошел через настоящую войну. Поэтому ветераны, фронтовики – это такой типа клуб избранных. И именно на базе этого клуба нам с тобой, может, и удастся перестроить Россию достаточно быстро.

Эти люди знают, что боялись, хотя и редко в этом признаются. Они знают, что этот страх превозмогли. Потом, они знают, что такое эта страшноватая в мирной жизни эйфория, и что через нее они тоже перешагнули. Может, они этого сами и не догоняют, но они – самый элитарный клуб из всех, если только не свихнутся и не сопьются. И когда они говорят, что снова хотят *туда*, они не врут, потому что эта эйфория, этот кураж, Миш, это такой кайф, с которым я, например, ничего не сравню. Слабоваты все остальные кайфы-драйвы по интенсивности. Даже рядом не лежали...

Вот такой мой тебе рассказ. Извини, не обошелся без банальностей и ничего, наверное, нового для тебя на этот раз не открыл. Думаю, ты и сам что-то подобное в себе уже давно заметил. Хотя как давно? С полгодика примерно... Или я неправ?

Немного помолчав, Балк вздохнул, опрокинул еще стакан, возможно, поминая всех тех, кто с войн, что он прошел, не вернулись. Потом задумчиво продолжил:

– А вот немного того, чего ни у кого не встречал или так было только у меня... Во время боевых, причем не только в деле, а и на весь период нахождения в зоне боевых действий, снижается мировосприятие.

Ну, слух-то понятно, что садится, все-таки стреляют. Но при этом снижается и цветность. Я все окружающее видел, как с серо-черным фильтром. Правда, и так ярких цветов немного, но даже огонь какой-то с серым налетом. И кровь сразу бурая, а не алая, а ведь из артерий должна бить алая. И запахи все словно прибиты. Но можно объяснить: сам воняешь потом, опять же, гарь все время, мертвечина, что по первости своим «ароматом» кого угодно выворачивает. И тактильные ощущения снижены: ну, руки и морда все время грязные, остальное тоже не очень чистое под одеждой и бронетюфяком.

– Под чем? – переспросил Михаил.

– Бронежилет. Его нам здесь тоже вводить придется, но лучше прямо перед большой войной, – поправился немного смутившийся нектати вброшенным анахронизмом рассказчик. – Аналог тех кирас, что моряки-артиллеристы уже сейчас получают, только вместо тяжелой цельной и жесткой металлической пластины там более «умная» гибкая и многослойная конструкция, вдобавок более легкая.

А вообще, если спросить, что больше всего запомнилось и что одинаковое на войне и в двухтысячном, и в тысяча девятьсот четвертом, – это грязь. Непролазная, сплошная грязь. Летом – пополам с пылью, зимой – пополам со снегом. Может, это потому, что кругом, что в Чечне, что в Маньчжурии, все ж таки Россия. Но мне думается, что просто на войне всегда так. Вот поэтому я и люблю корабли. Тут полюбому чище...

– Простите, господа... – Дверь в салон неожиданно широко распахнулась, и заглянувший в нее Кирилл Владимирович, слегка запинаясь, проговорил: – Наш Степан Осипович пришел в сознание. У него в каюте там сейчас Всеволод Федорович. Он попросил вас немедленно прийти. Пойдемте же, скорее!

* * *

– Вот так, Всеволод Федорович, дорогой... Попало мне изрядно, как видите...

– Степан Осипович, слава богу, вы очнулись!

– Да уж... Про самочувствие только не спрашивайте. Неинтересно совсем. Как закончился бой?

– Победа полная.

– Это я еще застал... Кто... кто у нас под итоговый расчет? Подбитых всех притащили?

– Наши потери из броненосцев – «Севастополь», не смог-

ли довести. Не выдержали у него переборки в носу. Но потери в людях минимальны. Когда в передние кочегарки филтрация пошла, Иессен принял решение снимать экипаж.

– Правильно...

– Из больших кораблей погибли «Рюрик», «Витязь», «Баян» и «Память Корейца». На первых двух очень большие потери. На «Баяне» и «Корейце» примерно двадцать пять – тридцать пять процентов.

– Плохо... Как жаль... Ваши оба трофея, значит. Люди прекрасные. Царствие Небесное...

– И еще. «Новик» после торпедирования «Микасы» затонул от полученных в этой атаке снарядов и мины. Погиб, защищая транспорты, «Штандарт». Но Балка и Колчака спасли.

– Рейн? Трусов?

– Тоже живы.

– Славно... Влетит на орехи нам и Александру Михайловичу в Питере за яхточку...

– Ну, есть тут пара идей по поводу новой, может, и обойдется.

– Кому еще крепко досталось?

– Интернировались в Вэйхайвэе «Ослябя», «Победа» и «Сисой». Еле дошли. Они даже до немцев вряд ли бы доползли, а потащили бы к нам – просто погубили бы корабли.

– Понятно... Кто из адмиралов и командиров погиб?

– Чухнин, Бойсман и Миклуха. Ранены: вы, Небогатов,

Григорович, Трусов, Яковлев, Дабич, Андреев – серьезно. Игнациус, Васильев, Щенснович, Зацаренный, Эссен, Веницкий, Успенский, Колчак, Рейн и Балк – легко.

– Вечная память героям нашим... Крепко же, крепко воевал супостат... Вам, смотрю, тоже попадало?

– Череп не пробит, так что жить буду, Степан Осипович.

– Понятно... У него что?

– Броненосцы у него утоплены все, кроме «Хацусе» и «Фусо». Но они, как и наши трое, сейчас стоят у англичан. Думаю, всем предстоит интернирование. Из броненосных крейсеров смог уйти только «Идзумо». Кроме того, достоверно потоплены четыре бронепалубных. Убит Камимура. Сам Того, по слухам, тяжело ранен.

– Так никого и не взяли?

– Нет. И «Сикисима», и «Адзума» флаги не спустили. Бились японцы до конца, некоторых их моряков потом силой с воды поднимали. «Якумо» кингстоны открыл...

– В Вэйхайвэе все без склоки обошлось?

– Слава богу, пока да, Степан Осипович, надо британцам отдать должное.

– Ну что же... Прекрасно! Вторая Чесма, Всеволод Федорович!

– Или Синоп. Это уж как господа дипломаты теперь нам устроят...

– Лихо же вы с Григоровичем Того поймали! Лихо. На загляденье просто. Не ожидал от Ивана Константиновича та-

кого, каюсь... Что теперь делать думаете?

– Сейчас идем во Владивосток. С нами «Орел» и «Потемкин». Их в док. Алексеев назначил совет по дальнейшему.

– Понятно... Когда планируете там быть?

– Завтра к вечеру, Степан Осипович.

– Будете настаивать на той нашей идее, по поводу визита вежливости?

– Само собой.

– Ясно... Ох... Водички бы... Спасибо... Вот что, Всеволод Федорович. Прошу тебя, выслушай меня очень внимательно. Мало ли...

А-а... Заходите, господа! Заходите. Да уж! И вам всем здравствовать. Спасибо, любезные мои, спасибо... Очень вы вовремя, однако... пришли... Видать, мало я грешил... Так вот, дорогие мои... Так вот, ежели вдруг я до Владивостока не доберусь... Погодите перебивать... Слушайте же... Ох...

Вот что... Прошу, передайте Евгению Ивановичу: комфлотом необходимо ставить Руднева. Если японцы в течение месяца не сдадутся, тогда всем флотом... боеспособными кораблями... Готовиться немедленно... И десант – гвардию к Токийскому заливу!

Батареи подавите. На скорострельные системы они заменить не могли пока. Да и нет их у них... Армстронговские только на флоте. Были... Медлить нам ни в коем случае нельзя. Темп, темп и еще раз темп! Чтоб не успели опомниться самураи, а главное, просвещенные мореплаватели не

успели бы вмешаться или запугать наших в Питере...

Залив вы теперь возьмете. Как и чем – знаете. Сил более чем вполне. На том и закончим с ними. Возразить по-серьезному им трудно, если Василий Александрович форты взорвет...

Ох... Еще водички... Так... Предложение о мире сами им пошлите, МИД две недели сочинять только будет...

Нет времени. Нельзя тянуть! Что надо, Алексеев все знает. А то англичане поймут... поймут... Успеть надо! Успеть... надо... Дочуркам еще... Успеть...

– Степан Осипович! Да что вы, в самом деле! Вам еще Георгия второй степени получать, а то и первой! А вы... Степан Осипович?..

– Оставьте. Он опять в забытье впал, видите же. Температура скакнула. Перенервничал с вами... Ступайте же, господа. Дальше дело наше, врачебное. Степан Осипович все, что хотел, сказал. Даст бог, душу облегчил – может быть, и на поправку пойдет. Хотя не стану лукавить, дело-то очень серьезное. И пока прогнозов давать не возьмусь. Крови адмирал в бою потерял много...

Глава 1. Не кровавое воскресенье

Санкт-Петербург. 25 декабря 1904 года

– Итак, господа, я вижу, что здесь присутствуют все выбранные народом делегаты для вручения его императорскому величеству государю императору Николаю Александровичу верноподданнического адреса от рабочих города Санкт-Петербурга? – громко прозвучал под сводами хорошо поставленный командный голос дворцового коменданта.

По рядам собравшихся у подъезда Зимнего дворца выборных пробежал согласный гул. Действительно, здесь собрались все...

Когда многотысячная нестройная колонна празднично одетого разночинного рабочего люда, ведомая председателем Союза фабрично-заводских рабочих столицы (а по основной профессии – служителем культа) Георгием Аполлоновичем Гапоном, с портретами батюшки-царя, триколорами, иконами, церковными хоругвями и песнопениями с Адмиралтейского проспекта вступила на Дворцовую площадь, идущие увидели впереди, у дворца, монолитный строй из нескольких каре гвардейских гренадер и пехотинцев. На их трехлинейках тускло посверкивали длинные четырехгранные иглы примкнутых штыков.

Прямо позади них, вдоль самых стен Зимнего, на высоту половины окна первого этажа возвышались восемь длинных

палаток или шатров из окрашенной черно-желтыми полосами плотной материи, судя по всему, для того, чтобы служивым было где погреться.

В глубине площади, по обе стороны от Александрийского столпа были видны две развернутые восьмиорудийные батареи трехдюймовок с построенной возле них прислугой. Сами пушки были зачехлены. Позади артиллеристов, замерев в седлах с палашами наголо, как золото-стальные изваяния, возвышались кирасиры и конногвардейцы. Только облачка пара из ноздрей их изредка фыркающих могучих коней издали отличали закованных в кирасы всадников от искусно отлитых и раскрашенных оловянных кавалеристов-солдатиков – голубой мечты детства любого мальчишки. Справа, из-под арки Генштаба, звонким эхом отдавался и разносился по площади цокот копыт беспокойных коней драгунских сотен, расположившихся там и на Морской.

Ранее кордоны солдат и кавалерии встречали и сопровождали колонны демонстрантов по пути, но проходу не препятствовали, скорее выполняли роль регулировщиков движения. Главной целью кавалерийских разъездов было направлять различные колонны так, чтобы они не сталкивались и не создавали давки. Об этом было объявлено заранее, в распространенном еще пять дней назад обращении губернатора столицы генерала Фуллона и начальника департамента полиции, поэтому к присутствию казаков и драгун рабочие относились со сдержанным пониманием.

Поскольку о готовящемся народном шествии к царю было известно за полторы недели, это обращение, составленное Дурново, недвусмысленно давало понять, что непосредственно к Зимнему шествие допущено не будет, а его участникам будет отведено определенное место на Дворцовой площади, ограниченное цепями полицейских и жандармов, где господа рабочие смогут спокойно дожидаться выхода из дворца их депутации. Пятьдесят ее членов им самим надлежит выбрать. И они, от общего имени, не только лично вручат государю народный верноподданнический адрес, но и будут удостоены личной беседы с ним, дабы самодержец мог прояснить себе во всей полноте вопросы, будоражащие умы и сердца рабочих столицы настолько, что для их разрешения требуется срочное вмешательство монарха в военное время.

Для того же, чтобы пришедшие к государю люди не замерзли на зимнем ветру и морозе, ожидая возвращения своих представителей, на площади будет организована лотошная торговля с ценами вдвое ниже базарного дня, разложены костры и выставлены полевые кухни для подогрева чая. Кружки участникам шествия было рекомендовано принести с собой...

* * *

Как и в нашей с вами истории, поводом для массового возмущения и демонстрации оказалось увольнение нескольких

нерадивых рабочих с Путиловского. Завод забастовал 15 декабря. Его поддержали еще на ряде предприятий – спасибо чайным Гапона и глашатаям радикальных партий, – а там дело дошло и до выдвижения политических требований к власти. Но по сравнению с нашей историей, в забастовке участвовало раза в два меньше пролетариата, поскольку шокирующих новостей, подобных известиям о Ляоянской катастрофе или сдаче «неприступного» Порт-Артура, имевших место у нас, с Дальнего Востока не приходило.

Однако развившие бешеную активность Гапон с его активом и агитаторы от РСДРП и партии эсеров, беззастенчиво передергивая факты, пытались представить рабочим русскую стойкость при Ляояне как поражение армий Гриппенберга, как прелюдию к неизбежному и скорому разгрому России на суше. Как и в нашей истории, в ход пошла и явная ложь о том, что царь-батюшка сам-де понимает, что во всех бедах страны виноваты его плохие министры, генералы, дворцовая камарилья, но самочинно он от них избавиться не может. И *ждет* для этого помощи от русского народа. И от рабочих столицы (!) прежде всего.

Правда, к этой лжи тут была и существенная добавка в виде пассажей о том, что нынешние плохие министры, генералы и придворные сферы виноваты в уходе из правительства самых честных, умных и преданных императору людей, которых нужно срочно вернуть и дать им власть, дабы навести порядок. «Свободная» пресса тоже подбросила ряд за-

водных статей к сроку. Понятно, что уши лично господина Витте, поддерживающих его деятелей из банкирско-буржуазно-помещичьего круга с масонско-семитским душком, также как и их тактических, ситуативных союзников из либерально-интеллигентствующего «Союза освобождения» хронически обиженных на царя земцев (Львова, Долгорукова, Родичева, Петрункевича, Струве и иже с ними), позади Гапона и эсеров-эсдековских боевиков из-за сцены торчали явно.

Что вполне понятно, кстати. В этот раз у Сергея Юльевича не было номинального поста в правительстве, позволявшего ему деятельно влиять на ситуацию. Не было во власти и главных проводников его воли в нашей исторической драме – Святополка-Мирского и Лопухина. Так что пришлось кукловоду-сценаристу нашего Кровавого воскресенья рисковать, идти ва-банк. Но при этом ослепленный самолюбованием Гапон, как и в нашей истории, не уразумел, что его гордыню и тщеславие втемную использует человек, чьи гордыня, тщеславие и жажда власти возвышаются над его, гапоновскими, по-малоросски наивными и мелкими хотелками-глупостями типа «была династия Романовых – придет династия Гапонов», как факел роstralной колонны над брусчаткой Васильевского острова...

Внесенный в адрес список требований, составленный эсерами и социал-демократами «от имени бастующих», от нашего мало чем отличался. Простодушным рабочим, как в на-

шей истории, зачитывалась на собраниях лишь их экономическая часть. Того, что добавленные к ней политические требования превращали юридически законный верноподданныческий адрес в антигосударственную, уголовно наказуемую петицию в форме жесткого ультиматума, подавляющее большинство замороченных лукавой агитацией питерских пролетариев не могло осознать.

И пусть манифестантов, в сравнении с нашей историей, полицейские насчитали втрое меньше, около пятидесяти тысяч вместо ста сорока пяти, но взбудораженный гапоновцами и подогретый лозунгами их союзников-радикалов народ к царю все-таки пошел. Невзирая на мороз за двадцать и ледяной ветер с залива. Поскольку проблемы у рабочих реально были, и, несмотря на отчаянные потуги Вадика и Ко их смягчить, ситуация в обществе кардинально поменяться за столь короткий срок просто не могла.

Зато изменилась реакция властей. Если в нашем мире Николай, по совету дядюшек Владимира, Алексея и Николаши, просто сбежал с семьей из столицы, приказав навести порядок, и даже не рассматривал возможность встречи с подаателями петиции³, то сейчас... Еще до того, как «Собрание русских фабрично-заводских рабочих» Гапона и Петербургский комитет РСДРП начали широко распространять в про-

³ С учетом того, что по Министерству внутренних дел ходили стойкие и небезосновательные версии о готовящемся при подаче петиции покушении на царя, довольно логичная реакция.

кламациях известие о готовящейся манифестации, в «Ведомостях» от 17 декабря вышли сразу два царских указа.

В первом, посвященном долгожданному приходу в Порт-Артур эскадр Чухнина и Руднева и отбитию японской армии от крепости к Цзиньчжоускому перешейку Гвардейским экспедиционным корпусом и войсками гарнизона, было подробно перечислено, кто и чем награждается в связи с этими выдающимися успехами.

Во втором указе декларировалось желание царя лично принять верноподданнический адрес у депутации рабочих столицы в порядке, определенном городскими и полицейскими властями. Вышедшее позже обращение Фуллона и Дурново этот порядок конкретизировало. Были пунктуально и доходчиво расписаны задачи полиции, жандармов и гвардии на случай нарушения этого порядка, чтобы ни у кого из участников будущей манифестации не оставалось сомнений в том, что ситуация властью контролируется. Причем жестко.

И хотя в обращении градоначальника и главного полицейского страны черным по белому было написано, что царь примет депутацию во дворце, а не выйдет лично к народу, чего яростно требовал в своих речах и выступлениях Гапон, несколько групп заговорщиков, готовившихся воспользоваться благоприятным моментом и устроить главное политическое убийство России наступившего двадцатого века, а до кучи и грандиозную кровопролитную политическую про-

вокацию, до поры до времени были довольны ходом событий. Сорок семь тысяч потенциальных жертв «кровавой тирании самодержавия» послушно шли на убой.

Если вдруг «осчастлививший» всех «сильных, думающих и ответственных державников» недееспособным наследником-гемофиликом безвольный царек не пойдет на конституцию с парламентом и ответственным перед ним правительством с гениальным Витте во главе, естественно, за это его необходимо грохнуть. А неизбежный после царевубийства массовый расстрел перед дворцом статистов-пролетариев «от имени деспотов Романовых» замутит в стране революцию. С тем же итоговым результатом, хотя путь к нему и будет более долгим и кровавым.

Эсеровские и эсдековские боевики и провокаторы, распределенные по колоннам демонстрантов небольшими группами, имели при себе все необходимое: от припрятанных красных флагов и транспарантов с приличествующими моменту лозунгами до ручных бомб, пистолетов и револьверов. На чьи деньги многое из этого оружия было приобретено, их не интересовало от слова совсем. Идейный радикализм в массе своей чужд глубоких размышлений и поиска причинно-следственных связей. Поэтому заграничные заказчики русской смуты, оставаясь в тени, могли делать ставки, не опасаясь возмездия. Пока...

Небольшая толпа нервно перетаптывающихся и настороженно зыркающих по сторонам выборных кучковалась в гардеробе Зимнего, где им, к глубочайшему изумлению, предложили сдать верхнюю одежду. На робко заданный кем-то вполголоса вопрос «А это еще зачем?» встречающим депутацию морским офицером был дан ошеломляющий ответ:

– Господа, вы что, прямо в тулупах и рукавицах с государем чай собираетесь распивать?

– Ка... как... какой такой чай? – отчего-то заикаясь, спросил координатор ЦК партии социалистов-революционеров Петр Рутенберг⁴, с дальним прицелом обхаживавший Гапона почти полтора года и потому, естественно, оказавшийся среди выборных.

В отличие от большинства делегатов, Рутенберг в ходе подготовки к покушению на царя постарался разузнать как можно больше о его привычках. Он знал, что чаепитие для Николая – почти что священнодействие, на которое кроме членов семьи обычно допускались пять-шесть избранных,

⁴ Полтавский еврей инженер Пинхас (Петр) Моисеевич Рутенберг на самом деле в «нашем» мире готовил покушение на Николая при передаче тому петиции. Об этом Гапон прямо заявил в эмиграции, ответив на вопрос «Что бы было с царем, выйди он к народу?» лаконичным «Убили бы его сей минут, секунд...». Рутенберг был организатором и деятельным участником убийства Гапона. Как говорится, покойный слишком много знал...

особо близких к нему людей. Но потенциальный цареубийца не был в курсе того, какого красноречия и скольких испорченных нервов стоило Вадиму и Ольге убедить самодержца принять именно такой формат предстоящего мероприятия.

– Ну, не за водкой же с селедкой обсуждать судьбы России. Мы с вами не в трактире на Нарвской стороне⁵, – пристально взглянув в глаза Рутенбергу, произнес давешний морской доктор, в котором тот узнал широко известного с недавних пор царского военно-морского секретаря Банщикова. – Прошу, господа, всех сдавших верхнюю одежду в гардероб по одному пройти вон под той аркой... Да-да! Под той, с иконой наверху.

– А что это за образ замечательный такой, что-то я его не припоминаю? Канон не старинный... – заинтересовался иконой, установленной над увитой цветными лентами и зеленью аркой Гапон, который был не только политическим авантюристом и нештатным полицейским осведомителем, но еще и штатным батюшкой.

– Образ этот, господа, новообретенный. Пресвятая Дева Порт-Артурская. Перед вами список с иконы, что привез с собой в крепость великий князь Михаил Александрович. В Синоде говорят, это особая икона-охранительница. Порт-

⁵ Именно в трактире на Нарвской стороне был окончательно принят текст петиции, которую должны были вручить царю, ибо в местном отделении «Собрания русских фабрично-заводских рабочих» для большого стечения публики не хватало места, а Гапон жаждал придать событию вид широкого общественного действия.

Артур наш под Покровом сохранила, а сегодня, может стать-ся, поможет от всей России-матушки отвести беду, – пришла на помощь Вадику, не владеющему вопросами иконографии, его ненаглядная, неожиданное появление которой в белом воздушном платье сразу отвлекло внимание гостей от странной арки: не каждый день простой рабочий видит рядом с собой сестру императора. – А времена нынче настали суровые, никакими предосторожностями пренебрегать нельзя.

В отличие от безбожника в прошлом (или в будущем, что вообще-то логичнее), да и в настоящем не вполне пришедшего к вере Вадика, Ольга Александровна в Бога верила. Хоть и без лишней истовости, но глубоко и всерьез. И в ее устах слова об иконе прозвучали вполне естественно.

Когда она предложила установить на арке металлодетектора чудотворный образ, Вадик поначалу было взбеленился. Но аргументация умной женщины, умеющей находить нужные слова и тон в общении со своим мужчиной, естественно, возобладала.

– Кстати, о временах... Господа, попрошу внимания! Небольшое объявление. Всякий, кто попытается пронести любое оружие на встречу с его величеством, будет убит на месте, – вернул себе контроль над ситуацией и внимание отвлеченных явлением «ангела господня» депутатов Вадик. – Уж не обессудьте, но у нас в разгаре война-с, и японские агенты-шпионы могут воспользоваться моментом для обезглавливания державы.

Так что если кто по глупости что из оружия притащил, сдайте в гардероб. Потом вам все вернут в лучшем виде. Заодно и все металлическое тяжелее нательного креста тоже туда же, а то у нас на «Варяге» был случай: два матроса повздорили, и один в другого кружкой запустил железной. Ну, казалось бы, делов-то? Так не удалось мне откатать потом беднягу, в висок попало... В итоге одному – морские похороны, другому – трибунал и штрафные роты. Поэтому крупные металлические предметы в присутствии его величества тоже не допускаются, прошу извинить, господа. Сдайте это добро, после аудиенции все заберете...

Ну, с Богом, перекрестясь, кто православный, по одному через арку скоренько марш-марш, господа. У нашего государя императора Николая Александровича довольно дел, давайте не будем его задерживать сверх необходимого. Пока вы раздеваетесь и формальности проходите, государь как раз текст вашего адреса дочитает, чтобы потом времени на это уже не терять...

Медленно, по одному проходя под аркой, депутаты направлялись в соседнюю залу. При проходе пятого выборного вдруг раздался резкий и противный зуммер, а оклад и старей иконы полыхнули отраженным от сусального золота светом. Только теперь Вадим обратил внимание, что его суженая сподобилась установить икону прямо за лампой, которая загоралась, если металлоискатель что-то чуял...

– Это что? – с испугом пробормотал здоровенный парень, испуганно крестясь в сторону «ожившего» образа.

– Так, братец, старец один сказывал, что икона предупреждает о ком-то, замыслившем недоброе по отношению к государю всея Руси, – задумчиво проговорил Вадик. – Но ты не переживай, икона новообретенная, может, и ошибается еще, кто ее знает? Отойди пока в сторонку, вон в тот уголок.

Пока неизвестно откуда материализовавшийся казак конвоя его величества вел оторопевшего мужика в дальний угол залы, некоторые из выборных провожали его тяжелыми, недобрыми взглядами. Но вскоре такая же участь постигла еще пятерых участников встречи, причем в их числе, к ужасу Рутенберга, оказался и второй из готовивших покушение эсеров, у которого за голенищем сапога был припрятан маленький дамский браунинг. Неужели эта раскрашенная доска работает, черт бы ее побрал?! Не может быть! Сам Пинхас пока был в числе последних троих, ожидающих своей очереди к арке. Решив не рисковать, он тихонько подошел к руководившему процедурой Банщикovu.

– Видите ли, господин офицер, я правоверный иудей Пинхас Рутенберг. И мне никак нельзя проходить под символом чуждой для меня веры. Можно мне избежать сей процедуры по религиозным соображениям?

– Мне очень жаль, но нет. – Мягкость и обходительность доктора куда-то вмиг исчезли. – Если помните, когда русские православные князья приезжали в орду, им приходилось проходить «меж двух огней». Проходя между кострами, они, по языческим верованиям, показывали, что у них нет дурных намерений. И ничего, проходили как миленькие, не морщились. Вот и вы, любезный, в чужой монастырь со своим уставом не лезьте. Коль пришли к православному императору, так извольте пройти под иконой. Хотя из уважения к вашим верованиям я вам могу предложить один вариант: вы проходите в соседнюю комнату и в присутствии двух казаков раздеваетесь до наготы. Это же предстоит и всем тем, на кого указала Пресвятая Мария.

– Что? Обыск?! Товарищи, это же произвол! – попробовал разыграть последний козырь Рутенберг. – Мы, представители трудового народа, пришли требовать от...

По знаку Вадика стоящий рядом казак резко ударил провокатора под дых, не дав тому договорить. Еще до того, как рабочие поняли, что одного из депутатов только что цинично «оскорбили действием» (в просторечии – побили), Вадик с казаком сноровисто обыскали упавшего Пинхаса. И не успел еще под сводами Зимнего раздаться крик «Наших быют, товарищи!» его напарника эсера, ожидающего своей очереди на досмотр, как Вадик вытряхнул из-за пазухи Рутенберга браунинг. Кричавшего моментально сбили с ног и тут же обыскали. Перед глазами собравшихся немедленно появил-

ся второй браунинг, близнец первого...

— Итак, с этими представителями «трудового» народа все ясно. Теперь вам, господа рабочие, стало понятно, *зачем* была устроена вся эта история с вручением царю вашей петиции *лично в руки*?

Неожиданно один из рабочих, старый мастеровой, явно не один год тянувший лямку на Путиловском и давно и прочно занявший свое место в рядах рабочей аристократии, рухнул на колени. Он стал истово креститься в сторону иконы. Сначала неуверенно, но потом все более искренне его примеру последовали и остальные члены депутации.

Тем временем у остальных пяти, не прошедших «святой тест», были изъяты еще один револьвер, связка ключей, кастет, два портсигара и кучка мелкого металлического хлама. Отделив агнцев от козлиц, Вадик вернулся к своим обязанностям «распорядителя бала».

— Господа! Товарищи рабочие, я вынужден перед вами извиниться. — Далее последовало несколько сбивчивое и путаное объяснение: — Обнаружение затесавшихся среди вас негодяев — заслуга не чудотворной иконы, а новейшего прибора — металлоискателя. Арка, через которую вы все вынуждены были пройти, его главная часть. А икона... Она нужна была более для отвлечения внимания злодеев. Просто объяви мы о металлоискателе, они выбросили бы пистолеты в толпе или начали бы стрелять направо и налево. Да и мы тогда, не зная, кто именно из депутации хочет убить государя,

вынуждены были бы обыскивать вас всех. А если кого из вас застрелили бы эти вот гады, все потом обвиняли бы в том «кровавое самодержавие». Но государь император и сам давно хочет встретиться с истинными представителями трудового народа (святая ложь...), и ничто не сможет его остановить в его стремлении!

– Чай, поди, мы не совсем идиоты, господин дохтур, – раздался голос того самого старого мастера, – сам гальванером⁶ на Путиловском и догадался о вашей машинке, как только провода разглядел, что арку обвивают. Чудотворной иконе они ни к чему, это верно. Только молод ты еще, дохтур, уж прости меня, старика, судить, в чем промысел Божий...

– Не нам, простым смертным, дано судить о промыслах Его, – пришла на помощь работяге, явно запутавшемуся в непривычных для него длинных словах, великая княгиня. – Он ведь способен действовать не только через гудящую и светящуюся икону. Он может, дабы не смущать умы чудом Божьим, просто послать гениального изобретателя именно туда и тогда, когда нужно. Чтобы тот изобрел этот металло-находитель именно перед покушением на помазанника Божьего. Это как в притче о набожной женщине, которая при наводнении три раза отказывалась садиться в лодку, все ждала, что Бог ее спасет. Когда же утонула, душа ее пришла к Господу и спросила: «Отчего же Ты мне не помог?» И что Он ей ответил?

⁶ Гальванер – устаревшее название электрика.

– А кто тебе, дура, три раза лодку посылал? – ответил тот самый путиловский мастер и сразу же поправился: – Простите, ваше императорское высочество, старика...

– Отчего же, за исключением лишнего бранного слова вы совершенно правы, – неожиданно весело ответила Ольга. – Ну а теперь пройдемте, господа, а то государь уже заждался.

– Вы хотите сказать, что после всего, что тут случилось, после раскрытой попытки покушения на его императорское величество, – запинаясь, выдавил из себя бледный как мел организатор шествия, – государь захочет встретиться с нами? И нас всех сейчас не арестуют?

– По поводу вас лично не уверен, – отрезал Вадик, которому моложавый политикан-священнослужитель был совершенно не симпатичен. – Вам я бы порекомендовал готовиться объясняться с вашим начальством в охранном отделении по поводу того, что вы, гражданин Гапон, фактически организовали шествие, под прикрытием которого к царю едва не подкрались убийцы. А что будет с вами дальше... Это не мне решать.

Раскрыв истинного «работодателя» Гапона, Вадик забил первый гвоздь в крышку гроба его карьеры «вождя народных масс». После чего со спокойной совестью передал бразды правления разворачивающегося в Зимнем невиданного доселе действия дворцовому коменданту, гофмейстеру и иже с ними. Его первый пункт в сегодняшней программе был выполнен на отлично. Разрыв шаблона у большинства ра-

бочих депутатов, увидевших воочию браунинги эсеровских боевиков и уже примеривших на себя виртуальные нерченские кандалы соучастников едва не свершившегося царевубийства, явно читался на их лицах. Значит, пришло время для появления на подмостках главного актера...

— Господ выборных прошу следовать за нами! Его величество примет вас для беседы о ваших проблемах и во многом справедливых просьбах и пожеланиях.

* * *

Государь и самодержец всея Великия и Малыя Руси давал аудиенцию пролетарской депутации в Малом тронном зале. Царь, с непокрытой головой, в мундире капитана 1-го ранга российского флота, неподвижно, будто каменное изваяние, восседал на троне те бесконечные две-три минуты, пока господ рабочих заводили в зал и выстраивали перед императором в некое подобие ровной шеренги. При этом одни нестройно кланялись, другие суетливо крестились. Гапон, судя по всему, совершенно растерявшийся, не выказывая никакого норова, будто растворился среди остальных членов депутации. Кроме них в зал допустили нескольких журналистов и фотографа.

Наконец, после того как рабочие сами выпихнули вожака-пастыря на середину своего пестрого подобия строя, император встал. Сверкнул магний у фотографа, когда вошед-

шие, как один человек, без всякого сговора и понукания, склонились перед своим государем в поясном поклоне. Не стал исключением и Гапон...

– Господа выборные, итак, вы здесь. Перед нами. И ваш государь не убит «сей минут, сей секунд», как бы кому-то из присутствующих под этими сводами этого ни хотелось. – Царь говорил спокойно, негромко, словно куда-то в дальнюю даль, бесстрастно глядя перед собой, прямо сквозь потемневшего лицом, как будто уменьшившегося ростом Гапона. – Желаем и вам всем жить и здравствовать...

Николай выдержал короткую паузу, после чего в абсолютной тишине продолжил:

– Вы просили нас о встрече, дабы искать защиты и утешения в ваших бедах и горестях. Голос ваш был нами услышан. Вы даже взяли на себя труды предложить нам, как именно мы должны вам помочь, изложив сие в верноподданническом адресе. Документ оный нами прочитан со всем возможным вниманием. Мы находим многие жалобы ваши справедливыми, а помыслы и просьбы – честными. Посему, выражая вам наше монаршее благоволение, мы нашли возможным суждения и решения наши по каждой из забот, вас одолевających, сегодня вам изложить.

Царь величественно опустил на трон, легким кивком отпуская подданных. Аудиенция была закончена – официальная. Но главное действо было впереди.

В одной из гостиных дворца непривычно булькали три двухведерных самовара. Но не успели выборные разобраться с местами у поставленных буквой «П» столов, как перед ними вновь появился государь. Во взгляде самодержца Вадика было заметно отражение яростно бурливших эмоций: Николаю только что во всех подробностях доложили о предотвращенном покушении. Согласитесь, одно дело слышать от Плеве, Дурново, Банщикова и остальных, что его кто-то настолько не любит, что намеревается убить, и совсем другое – подержать в своей руке браунинг, из которого в тебя могли десять минут назад всадить всю обойму.

Для депутатов буря чувств, промелькнувшая на лице Николая, и сменившее ее суровое, решительное выражение его глаз означали негибаемую волю и решимость принять народную петицию, несмотря на все происки врагов народа (Вадик не удержался и ввернул это выражение еще при обыске Рутенберга). Тихий одобрителный гул, пронесшийся по рядам выборных, был услышан, укрепив уверенность царя в правильности спланированных действий: сорванное покушение добавило козырей, и проработанная совместно с Банщиковым, Дурново и Победоносцевым канва разговора вполне соответствовала моменту.

– Ну что ж, господа. Оставим формальности этикета, бу-

дем говорить свободно. Вам так будет проще, я полагаю... Еще два дня назад, как того и добивался приведший вас честный отче Георгий, я собирался встретить всех, идущих ко мне со своими бедами, внизу, перед дворцом. На площади даже помост начали строить. Однако меня отговорили, поскольку вместо трибуны он мог стать для меня эшафотом. Отговорили знающие люди, поскольку в большом стечении народа могли оказаться предатели, иуды, которые за японские «тридцать сребреников» попытались бы стрелять в русского царя, метнуть бомбу или начать палить в солдат, дабы развязать кровопролитие. И я, скрепя сердце, решил принять вас в зале, куда, к сожалению, все пришедшие вместе с вами не смогли.

Почему именно предатели и иуды? Потому что спровоцировать бойню и беспорядки в столице, обезглавить руководство державы в тот самый час, когда Отечество ведет тяжелую, навязанную ему войну, способны либо предатели, либо прямые агенты внешнего врага. Тем более в момент, когда дела в войне у этого врага стали идти откровенно плохо. Ох, как плохо! Хуже некуда...

Почему бойню? Неужели вы способны вообразить, что гвардейцы молча взирали бы на покушение? Погибли бы тысячи человек, еще больше осиротели бы и овдовели, ни в чем не повинных в абсолютном своем большинстве! Скажите нам всем сейчас, отче Георгий, вы *этого* желали?... Говорите! Мы вас спрашиваем!

– В-ваше величество, – вскочив со своего места, прерывающимся голосом начал Гапон, руки его нервно тряслись, – Господь с вами! Ни сном ни духом... Исключительно вела меня мука душевная за бедственное положение всего рабочего люда. И требования наши...

– О возможных последствиях площадного цареубийства для этого самого люда, паствы вашей, вы, милостивый государь, будучи душепопечителем, не задумывались?

– Но... Нет... Этого не могло случиться, я бы не позволил... Я бы...

– Или же человек, приведший сегодня к царю десятки тысяч людей, столь... неумен, или я ничего не понимаю в людях, когда они нам лгут. А о последствиях для себя, для собственной вашей души вы хоть задумывались? Думали о том, что кровь сотен невинно убиенных падет на вас? Как бы вы стали ее отмаливать? Задумывались ли вы об этом?..

Царь взял паузу. Гапон стоял столбом. В зале воцарилась ватная, абсолютная тишина...

– Нет, любезный. Вы не задумывались... Ни об этих людях, ни о тех, кто сейчас проливает кровь на востоке, ни о стране. Вас обуревала гордыня, Григорий Аполлонович! Жажда величия и успеха. И злата. Многим вы задурили головы со своими «Собраниями»... Только никому из господ рабочих не поведали, что ближняя цель там у вас была куда прозаичнее – лавочки торговые пооткрывать для членов «Собраний» ваших. При заводах и мануфактурах, при

районных отделениях, вроде рознично-торговой монополии. Чтоб ваша паства только у вас еду и мануфактуру покупала! А потом как вы думали всех этих людей использовать? Не помочь же им создать реальные профсоюзы, как хотел и предлагал вам в свое время Сергей Васильевич Зубатов?

Что вдруг смутились? А?.. Жаль, поздно я все это узнал, не писал бы вам год назад хвалебного отношения. Я ведь тоже поверил сначала, что вы искренне рабочим помогаете, не о себе, а об их интересах радеете... Вы понимаете, что, дописав в этот адрес дерзкие политические требования, уже поставили себя вне закона? Но себя ладно. Вы-то знали все. А вот на собраниях большинству из стоящих сейчас на Дворцовой ни про конституцию, ни про ответственное министерство вы *ничего* не говорили.

Почему так получается, что пришел народ к самодержцу чуть ли не отречения от него требовать, а сам-то народ об этом ничего и не знал? Не знали люди, что они все *по закону* – кандальники, если их именем *такие* требования покрыли. Так что кто и почему людям лгал, мы еще разбираться будем.

Общество с последними словами царя встревоженно загудело, что заставило Николая говорить громче:

– Адрес ваш я тщательно изучил. С вами, господа выборные, мы сейчас его подробно обсудим, разберем по пунктам, ибо многое, о чем там говорится, я действительно готов принять незамедлительно. Хотя, конечно, не все...

Царь жестом попросил спокойствия. Выборные насторо-

женно затихли.

– А вы, сударь... – каким-то вдруг усталым и тихим голосом проговорил император, брезгливо взглянув на раздавленного, сдувшегося Гапона, – ступайте уже отсюда, Георгий Аполлонович. Вы падший грешник, а не пастырь Божий, милостивый государь. И обманщик. Но не меня вы обманули, а тех, кого вели сами знаете на что. А этот грех не чета мерзости, вами три года назад совершенной, еще горше... Уходите...

– Но, ваше величество! Ведь я же предводите...

– Иди, иди отседа! Ступай уже, «предводитель»! Или не слышал: царь велел! – зашумели с разных сторон. – На убой вел! Ирод окаянный...

– Тогда мы тоже уходим...

За столами возникло движение, и несколько приверженцев из ближнего круга Гапона также поднялись со своих мест.

– Что же, господа, ежели судьба ваших предложений, которые для вас «дороже самой жизни» (так ведь в петиции сей написано) вас, оказывается, вовсе и не интересует, не намерен дольше задерживать. Пропустить их!

Гапон и его товарищи-телохранители двинулись к дверям. Перед выходом у Гапона еще хватило такта молча поклониться царю. Гвардейцы охраны расступились, и через мгновение двери с глухим стуком сомкнулись за спинами ушедших.

«Николай-то сегодня просто великолепен, вот что значит для разминки посмотреть смерти в глаза, – улыбнулся Вадик. – С карьерой политика-авантюриста в рясе кончено...»

Георгия Аполлоновича и иже с ним повязали внизу, при входе в гардеробную. Причем было сделано это столь быстро и профессионально, что никто и пискнуть не успел. Теперь в подвале дворца под надежным конвоем им пришлось дожидаться окончания мероприятия, терзаясь в мрачных догадках о своем будущем и затравленно костеря спецвыпуск газеты «Ведомости», который в количестве пятидесяти пяти тысяч экземпляров как раз в это время раздавался людям на Дворцовой. В нем кроме передовицы о победах русского оружия и скором поражении Японии на трех страницах по косточкам разбирался провокационный смысл их адреса-ультиматума и был расписан весь тайный, кровавый сценарий гапоновского шествия.

К трем часам дня у Зимнего оставалось не более двенадцати тысяч манифестантов. Но позволять Гапону начать мутить их до выхода к народу выборных Вадик не собирался, как и арестовывать мерзавца, на чем пытался настоять Плеве. Царь с Дурново рассудили, что это преждевременно: хотелось понять, к кому он побежит жалиться...

* * *

– Несмотря на то что вашим походом ко мне попытались

воспользоваться мерзавцы, готовые любым образом помешать усилению *нашей* России, я готов, господа выборные, вполне откровенно обсудить все ваши вопросы. Откровенности и честности жду и от вас.

— Как же теперь-то, после этого всего... Неужто вы нам верите еще, ваше величество? — подал из-за стола голос пожилой, прилично одетый рабочий, явно из пролетарской аристократии, из тех, кто за свою квалификацию и опыт получали рублей сто пятьдесят — двести в месяц.

— Те, кому я не верю, нашу гостиную покинули. А негодьяи-террористы в нее, слава Богу, даже не вошли... Вы думаете, господа рабочие, это они хотели в меня выстрелить? Нет, они целились не в Николая Второго, они метили в Россию. А с нею и в каждого из вас. Вместо того чтобы кропотливо, долго и упорно работать, строя и перестраивая нашу страну для будущего наших детей, они хотят все разом сломать. До основания. Зачем? Вот кому из вас, обычных русских людей, придет в голову сначала сжечь старую хату, а потом уже думать, как и где строить новую?

Нет и не может быть простых путей в обустройстве такой обширной страны, как наша. Смерть царя ничего, кроме смуты и ответной жестокости, не породила бы. Да, я понимаю, пришло время многое менять в России. Но полностью сносить дом, в котором мы все живем, не представляя толком, что именно мы попытаемся построить вместо него... Этого я понять не могу! Вряд ли такое нужно тем, кто давно

живет в этом доме, по праву им владея...

— Проклятые жидаы! Оне это все мутят... — полусшепотом, но с явно различимой ненавистью в голосе донеслось со стороны стола, где сидели депутаты, в которых невооруженным взглядом легко узнавались приехавшие в Питер на заработки крестьяне.

— Кто это сказал? — От неожиданности Николай даже повысил голос, ведь Вадик угадал с «репликой из зала» практически дословно, и у него был заранее готов ответ. — Вы и в самом деле думаете, что если из покушавшихся один иудей, а второй — литвин, это как-то бросает тень на всех евреев в России? Или на всех инородцев и иноверцев?

Простым евреям живется ничуть не лучше, чем русским хлебопашцам и рабочим. Не надо путать банкиров, заводчиков, купцов и хлеботорговцев, которые наживают миллионы на труде простого крестьянина и рабочего, с вашими соседями — евреями бедными, которые обычно страдают при погромах, вызванных жадностью и беспринципностью евреев богатых. У них кроме веры ничего общего нет, а во время погромов, кстати, именно истинные виновные народного недовольства ничуть не затрагиваются. У них-то и охрана хорошая, и живут они зачастую вообще не в России. Ну и к тому же негодяев и нечистых на руку фабрикантов, купцов, помещиков и управляющих хватает и среди православных. Сами ли не знаете?

Собравшиеся одобрительно загудели...

— Или вы думаете, что мало сейчас поляков, финнов, жителей Прибалтики, Кавказа или наших азиатских окраин с оружием в руках в нашей армии и на флоте сражаются за Россию в далекой Маньчжурии или в Порт-Артуре? А известно ли вам, что во многом благодаря разворотливости, хватке и патриотизму купца первой гильдии Гинсбурга наш флот обязан столь стремительным и неожиданным переходом с Балтики в Тихий океан, спутавшим японцам все карты?

Пора нам понять: нет плохих народов, есть только плохие люди! А еще есть серость и необразованность, элементарная лень и тупость, которую так просто прятать под лозунгом: мы главное, наша вера истинная, а все остальные — люди второго сорта. Хватит, господа рабочие! С этой темной отсталостью пора кончать. В ней корень многих наших бед и повод для разных спекуляций внешних врагов России.

По моему указанию сейчас лучшие умы страны завершают разработку десятилетней программы по резкому повышению уровня образования и культуры каждого жителя империи. Львиная доля затрат при этом ляжет на плечи казны. Нам нужна всеобщая грамотность, нам нужно всеобщее обучение минимум в рамках шести классов школы на первом этапе реформы образования и восьми классов впоследствии. И обучение это будет бесплатным для народа!

Нам нужны наши, российские инженеры, техники, врачи, учителя, ученые, счетоводы, агрономы. Нам нужны все луч-

шие, способнейшие молодые люди страны. Поэтому сословные ограничения при поступлении в высшие учебные заведения будут сняты, а самих университетов и высших училищ вскоре станет гораздо больше. Отныне только знания и талант станут критерием на вступительных экзаменах! Уже через год высшее образование станет общедоступным и для юношей, и для девушек. Последним, понятное дело, кроме военных учреждений... Хватит уж спиваться по дремучим углам и пускать в кусочки детей. Ведь, ей-богу, они, наши дети, достойны лучшего!

Именно после этих слов Николай и сорвал первую в своей жизни овацию. Не раболепно-хвалебный вой верноподданной толпы, а именно заслуженную овацию от сограждан. Собравшиеся были возбуждены настолько, что у одного из пожилых рабочих-путиловцев стало плохо с сердцем. Пришлось выводить его и сдавать на руки врачам.

Царь между тем продолжил:

– Кто конкретно вложил оружие в руки именно этих боевиков, затесавшихся среди вас, пусть разберутся следователи. Не исключено, что корень зла нужно искать за границей. Россия ведет войну. Нашей разведкой доподлинно установлено, что кубышки некоторых так называемых политических партий пополняются отнюдь не только из бандитской добычи (что они называют экспроприацией экспроприаторов), но и прямо из рук японской разведки и из рук сочувствующих японцам английских и прочих заграничных «деловых» лю-

дей. Это значит, уважаемые, что война грохочет не только где-то там, за горами, за лесами. Это значит, что ее принесли сюда, в наш с вами дом...

А раз так, значит, ответим мы по-военному. Отныне всем должно быть ясно: за попытки вооруженных провокаций против государства во время войны будет следовать наказание, определяемое судом военного трибунала. На войне как на войне. Поэтому с этого дня и до окончания боевых действий на *всей* территории империи вводится административное военное положение. Без комендантского часа и прочих мер стеснения, но с военно-судебной ответственностью за преступления против государства и армии.

Но если кто-то подумает, что с наступлением мира все пойдет по-прежнему... Ошибаются господа сотрясатели устоев. Все! Долготерпение наше закончилось. Я немедленно отдам распоряжения об усилении наказаний за преступления против государства, включая любые массовые беспорядки. Экономические стачки, как вполне справедливая форма борьбы работников за свои права, в эту категорию не попадут, не беспокойтесь. Но не на оборонных предприятиях в военное время. И только до тех только пор, пока проводятся мирно, без погромов и кровопролития.

За все, что лежит за этой гранью, каторга. И не только для зачинщиков, для *всех* участников. Никаких ссылок, высылки под надзор или поселений. С учетом предстоящих нам огромных преобразований, строительства заводов, мо-

стов, дорог, плотин и каналов, дармовые рабочие руки России очень понадобятся.

К примеру, недавно мне доложили, что на одном заводе рабочие во время стачки требовали установить в цехах полки с розовым шампанским, а пришедшего пристыдить их инженера бросили в чан с кислотой... Это уже не борьба за права рабочих, это опьянение своей мнимой силой, вседозволенность и как итог – преступление! В подобных мерзких случаях все виновные будут наказываться строго по уголовному уложению, без всяких поблажек на «борьбу за рабочее дело».

А для политической борьбы теперь будет Дума, выбирайте туда ваших представителей, и они законными политическими методами смогут отстаивать ваши права. Организуйте профсоюзы, чтобы вести с хозяевами цивилизованный диалог...

Среди собравшихся возникло некое хаотичное движение, слышался сдержанный гул как радостных, так и озабоченных голосов...

– Да, господа народные депутаты! Дорога должна быть с двухсторонним движением. Государство наше встает на путь громадных перемен и реформ в целях улучшения уровня жизни своих граждан, всего народа. Ваш приход сюда, ко мне, стал последней каплей в принятии нашего решения. Жить по-прежнему мы больше не можем, иначе внешние силы сомнут нас. Но государство требует возможности вести

реформы в деловой и спокойной атмосфере, а не сидя на пороховой бочке.

Поэтому кроме определенного ужесточения уголовного законоуложения нами будет реформирована система органов поддержания правопорядка, включая полицию и жандармерию. В частности, будут созданы специальные территориальные дивизии и полки внутренней стражи, куда мы предложим идти служить ветеранам боевых действий. Полагаю, что бывалые воины, грудью защищавшие свою Родину против врага внешнего, не будут особо миндальничать и с врагом внутренним...

В связи с учреждением по окончании войны Государственной думы главные ваши требования по поводу политических свобод я считаю удовлетворенными, указ об этом будет обнародован через пару дней после заключения мира. Насчет же фабричного трудового законодательства: русские законы в этом вопросе и так уже самые прогрессивные в мире, можете ознакомиться, на выходе каждому будет вручена брошюра с описанием вопроса. Тем не менее и они будут дополнены рядом положений, заимствованных у наших соседей – немцев.

Но исполнение этого самого законодательства... Помните, как говорят? «Строгость российских законов компенсируется необязательностью их исполнения», и, к сожалению, это тот самый случай. Даже я, император, не в состоянии следить за каждым заводчиком и фабрикантом. Поэтому

мы решили для улучшения работы в этом направлении создать особое министерство. Возглавить его предложили известному юристу, кстати, убежденному социал-демократу, лично глубоко принимающему к сердцу проблемы рабочего люда, Владимиру Ильичу Ульянову. Вы, возможно, читали его критические статьи в запрещенных изданиях: в газетах «Искра» и «Вперед», в прокламациях различных. Разве нет? Я вот читал...

Да-да, младшему брату печально известного Александра Ульянова. Мы сняли все поражения в правах с его семьи. Как говорится, брат за брата не ответчик. Если человек умен, патриотичен и готов ревностно отстаивать права и свободы трудящихся в рамках закона, ему и карты в руки: многих фабрикантов давно уже пора приструнить!

Среди рабочих прошло какое-то смутное движение, и по наступившей вдруг в зале напряженной тишине Вадик понял: опять прямое попадание!

Царь между тем продолжил:

– Но есть и те, для кого разговоры о несчастной судьбе страдающего русского народа – лишь ширма в борьбе за власть или за прямое разрушение России в интересах ее зарубежных конкурентов. Таких я прямо предупреждаю: господа, берегитесь! Спуска вам не будет! Вам нужны великие потрясения и смуты, а нам нужна великая Россия! И вам придется убраться с нашего пути. Сегодняшней попыткой воспользоваться приходом ко мне рабочих для того, чтобы

вызвать кровавый хаос в стране, вы показали себя во всей красе.

Вдумайтесь только: какой лозунг подняли сегодня на щиты некоторые наши социал-демократы и так называемые эсеры? Революционное разрушение государства! Как просто все «разрушить до основания, а затем»... Но сколько же крови, страданий и бед повлечет за собой это разрушение? И что «затем»? Какого времени потребует последующее созидание из руин? Каких денег? Откуда они возьмутся? А наши соседи нам это время дадут или попросту разорвут ослабевшую страну на части? И даже если отобьемся, уцелеем, сколько лет нам опять догонять их в науке, индустрии? Европа, Америка вновь уйдут далеко вперед в этих сферах за годы нашей смуты! Вот почему наши недруги оттуда подкармливают такие партии.

Только не дождутся! Россия будет развиваться по эволюционному пути. Любые проблемы можно решить, если желать и работать для этого. Уверен, что в новом кабинете министров соберутся люди, искренне желающие нашей Родине скорых и благих перемен.

Кстати, многие действительно мерзкие факты, о которых написано в тех газетах, – правда. Горькая правда. И без последствий они не останутся. Мы готовы конструктивно сотрудничать с лидерами социал-демократических движений, мы готовы привлекать их к работе в правительстве, иных государственных учреждениях, даже видеть фракции их пар-

тий в Государственной думе. Но только в том случае, если их борьба за права и свободы трудящихся не будет приправлена условием непрямого разрушения государства и терроризмом.

Любые призывы к развалу, уничтожению российской государственности не останутся без последствий. Повторюсь еще раз, но в этом плане уголовное законоуложение будет резко ужесточено. Ибо те, кто пытаются взорвать страну изнутри, являются прямыми пособниками внешних враждебных России сил. И отныне ряд военных статей, касающихся шпионажа, будет применяться к подстрекателям и участникам вооруженных выступлений и бунтов. Полагаю, что это остудит многие горячие головы и освободит их от иллюзий.

Кстати, административный контроль со стороны правительства – только полдела. Очень важно, как я уже сказал, развитие профсоюзов и воздействие на хозяев заводов через них. Любые справедливые экономические требования, которые не противоречат действующему рабочему законодательству, получают поддержку от меня и государства. Я уже повелел полиции не препятствовать любым справедливым экономическим стачкам вне сферы оборонной индустрии. А на военных заводах есть способы для разрешения конфликтов и без забастовок. Или вам не памятен пример Кронштадта?

— А теперь давайте, господа, возьмем вашу петицию и посмотрим каждый пункт. Я хочу, чтобы мы друг друга предельно ясно поняли.

Вы пишете: *«Россия слишком велика, нужды ее слишком многообразны и многочисленны, чтобы одни чиновники могли управлять ею. Необходимо представительство, необходимо, чтобы сам народ помогал себе и управлял собою. Повели немедленно, сейчас же призвать представителей земли Русской от всех классов, от всех сословий, представителей и от рабочих. Пусть тут будет и капиталист, и рабочий, и чиновник, и священник, и доктор, и учитель. Пусть все, кто бы они ни были, изберут своих представителей. Пусть каждый будет равен и свободен в праве избрания, и для этого повели, чтобы выборы в Учредительное собрание происходили при условии всеобщей, тайной и равной подачи голосов. Это самая главная наша просьба»*. Все правильно я зачитал, господа выборные?

— Да, государь! Да... Так все... Правильно!

— Итак, вот мой вам ответ. Решение о созыве парламента, иными словами о введении народного представительства, мною принято. Впереди огромная работа по модернизации страны, государства. Естественно, что мне и правительству будет нужна всенародная поддержка. Нашим парла-

ментом станет Государственная дума. Законодательная система страны будет перестроена. Во многом по образцу наших самых успешных соседей — немцев.

Как вы знаете из газет (а мне довелось видеть лично), и рабчие, и крестьянство живут там много лучше, чем такие же, как и они, труженики в России. Но разве мы хуже? Чем? Или глупее? Значит, дело в более эффективной системе управления. Причем в Германской империи она, судя по показателям экономического роста, пересчитанным на одну душу, на одного человека, значительно лучше и совершеннее, чем во Франции или даже Североамериканских Штатах, кичащихся своим республиканством. Поэтому с кого нам брать пример, ясно.

Но ни о какой всеобщей, тайной и равной подаче голосов в Германии и речи нет. Или вы в самом деле считаете, что вор, пьяница, проститутка или любой бездельник-лодырь лучше разберутся в том, кого выбрать в Думу разрабатывать законы, чем учительница, полковник, врач, профессор, высококлассный токарь, инженер? Так что избирательный ценз необходим. Закон о нем готовится.

Но! «Повели немедленно!» Так у вас тут написано. Это значит «немедленно повели» всей стране заниматься выборами, сколачиванием политических партий, агитацией, внутренним переустройством... И когда? Когда все наши силы напряжены в военной страде? Сами-то разберитесь, по чьему наущению и не на японские ли деньги проплачена вот

эта фраза?..

Я вам *гарантирую* созыв Думы. Но лишь по окончании войны. Об этом я говорил рабочим в Кронштадте. Еще весной. И чем лучше сейчас мы будем трудиться здесь, тем скорее наши воины завоюют нам мир там. С этим вопросом, надеюсь, все ясно и понятно, господа выборные?

Дальше. Вы предлагаете принять «меры против невежества и бесправия русского народа». А именно:

– *немедленное освобождение и возвращение всех пострадавших за политические и религиозные убеждения, за стачки и крестьянские беспорядки;*

– *немедленное объявление свободы и неприкосновенности личности, свободы слова, печати, свободы собраний, свободы совести в деле религии;*

– *общее и обязательное народное образование на государственный счет;*

– *ответственность министров перед народом и гарантия законности правления;*

– *равенство перед законом всех без исключения;*

– *отделение Церкви от государства.*

Что ж. Готов согласиться с вами по ряду этих пунктов. Кроме первого, четвертого, в первой его части, и последнего. Люди, осужденные судом в соответствии с законами государства, отбывают наложенное на них наказание. Закон суров, но это закон. Их общая амнистия – вот подлинное бесправие всего остального русского народа. Если в результате

работы Думы какие-то законы будут смягчены, тогда об этих частных случаях и можно будет говорить. Но сейчас никакой огульной амнистии политзаключенных и участников беспорядков не будет. Таково мое твердое решение.

По вопросу ответственности правительства перед Думой... Господа, вы разве хотите, чтобы наши министры вместо работы занимались бесконечными согласованиями в парламенте того, на что потратить отпущенные министерствам бюджетные средства? А потом не менее бесконечными доказательствами того, что та или иная сверхсметная трата была вызвана необходимостью реакции на неожиданно возникшие сиюминутные обстоятельства?

Говорильня нам не нужна. Нам нужно работающее правительство на этапе реформ. Лишь после их завершения придет время подумать об ответственности министров перед парламентом. Но не сегодня.

По вопросу отделения Церкви от государства... А вы у самой Церкви спросили? Господин Гапон – отнюдь не вся Церковь, не все православие. Вы мнение большинства нашего народа – крестьян – спросили? Одним словом, это вопрос очень сложный, не имеющий немедленного решения. Здесь рубить с плеча нельзя. Я обязательно посоветуюсь с церковными иерархами, выслушаю их мнение...

Конечно, с точки зрения иудея, католика или магометанина, это очень хорошая, прекрасная идея. Но ведь большинство нашего народа, подавляющее большинство – люди пра-

вославные... Нужно вначале оценить риски и все возможные последствия столь серьезного шага. Если к этому идти, сперва нужно задуматься о восстановлении Патриаршего престола.

Далее. Предложенные вами «меры против нищеты народной»:

– *отмена косвенных налогов и замена их прогрессивным подоходным налогом;*

– *отмена выкупных платежей, дешевый кредит и постепенная передача земли народу;*

– *исполнять заказы военного и морского ведомства должно в России, а не за границей;*

– *прекращение войны по воле народа.*

Как вы знаете, в настоящий момент практически сформирован и приступил к работе новый состав кабинета министров. Первые два пункта целиком в его компетенции, включая земельный вопрос. Поручения министрам я уже дал, давайтеждемся правительственной программы действий. Если что-то в ней вас не устроит, то мы и Дума министров поправим.

Одно же могу обещать твердо: вопрос с выкупными платежами будет решен в ближайшее время. Но и он не может быть решен огульно. Кому-то, к примеру, осталось выплатить десять процентов выкупных, а кому-то – восемьдесят. Вы предлагаете всех уравнивать. А справедлив ли такой подход? Не приведет ли он к волнениям, даже к кровопроли-

тию? Поэтому давайте изучим предложения правительства. Я жду их в ближайшие три месяца.

Кстати, победоносное завершение войны с Японией значительно упростит нам решение этой проблемы. С одной стороны, получение контрибуции позволит нашему бюджету компенсировать потерю крестьянских выкупных платежей, с другой стороны, Маньчжурия – это прекрасные плодородные земли с мягким климатом, способные обеспечить потребности десяти-пятнадцати миллионов крестьянских хозяйств. Без какой-либо чересполосицы! Дав огромную прибавку к нашему экспорту зерна.

По третьему пункту. Тут я практически полностью с вами согласен. Но кроме двух моментов. Если вооружения требуются срочно, а мощностей своих заводов недостаточно – это раз. И если заказываются передовые образцы, существенно лучшие, чем то, что мы сами пока умеем делать. Это необходимо для получения новых идей в конструировании и производстве. За примерами далеко ходить не надо: в боях с японским флотом русские корабли, выстроенные по немецким и французским образцам, себя прекрасно показали. А самый геройский наш крейсер – «Варяг» – построен в Америке. И это два...

Но пункт четвертый, простите покорно, господа, просто невыполнимый абсурд. Вопрос объявления войны и ее завершения был, есть и будет обязанностью государства. Всегда. Народ войны хотеть не может, это противоестественно.

но. Государство же обязано отвечать силой на силу, обрекая народ на определенные жертвы ради общего выживания. В противном случае мы будем завоеваны, расчленены, рассеяны и забыты. Как народ прекратим независимое существование, превратившись в рабов иноземных хозяев. Разве вы этого хотите? Так что еще раз задумайтесь: кто мог предложить записать такой пункт в вашу народную петицию?

И наконец, вы предлагаете принять «меры против гнета капитала над трудом»:

- *отмена института фабричных инспекторов;*
- *учреждение при заводах и фабриках постоянных комиссий выборных рабочих, которые совместно с администрацией разбирали бы все претензии отдельных рабочих; увольнение рабочего не может состояться иначе, как с постановления этой комиссии;*
- *свобода потребительско-производительных и профессиональных рабочих союзов;*
- *восьмичасовой рабочий день и нормировка сверхурочных работ;*
- *свобода борьбы труда с капиталом;*
- *нормальная заработная плата;*
- *непременное участие представителей рабочих классов в выработке законопроекта о государственном страховании рабочих.*

По пункту первому вынужден категорически отказать, поскольку при рассмотрении споров администрации и профсо-

юзов должен существовать государственный третейский орган. По всем остальным – согласен...

Таково вам мое слово, господа выборные. Как видите, в большинстве моментов мы с вами вполне сходимся. Ну а пока – самовары поспели. Очень уж горло пересохло...

Наливайте-ка чаю и давайте не торопясь поговорим о том, как нам сделать жизнь в России лучше для всех нас. Хочу теперь вас послушать. Чтобы завтра вам стало легче и выгоднее работать, а мне не приходилось проверять идущих ко мне за помощью на металлонаходители. Нужно ведь записать и обдумать все ваши идеи и предложения.

* * *

Какое-то время депутаты переваривали речь государя, запивая вкуснейшие пирожные и печенья лучшим в России чаем от поставщика двора его императорского величества сэра Томаса Липтона. Время от времени то в одном, то в другом углу полыхали магниевые вспышки – фотокорреспонденты готовили репортажи о встрече императора с его народом. Конечно, из речи Николая выборным было понятно далеко не все. И если рабочие могли считать свои требования почти полностью удовлетворенными, то вот крестьяне...

Их и было-то в этой депутации совсем немного, все же Санкт-Петербург – столица империи, и крестьяне тут пребывали в явном меньшинстве, в отличие от остальной России.

Но несколько человек сидели тесной группкой и, кажется, до сих пор не могли поверить, что распивают чай с самим императором.

– Ваше величество, батюшка государь, – раздался робкий голос из крестьянской части депутации, – а как с землею-то? Как наделы ни дрови, а все равно стало не прокормиться. Если хоть какой неурожай, а это, почитай, каждый третий год, то голодно. Мы-то ладно, сами-то мы вытерпим, но детки с голоду мрут...

Последняя фраза была сказана тихим, усталым голосом человека, который явно пережил подобную трагедию. И именно эта обреченная покорность судьбе и добила Николая. Дальше встреча пошла не по задуманному сценарию.

– Господи, вразуми же нас неразумных! – Из руки Николая выпала изящная чашка тончайшего китайского фарфора и разбилась об пол. – Как можно жить в самой обширной стране мира и жаловаться, что нету земли, чтобы прокормить семейство? Но как при этом в прошлый голодный год в одной из наших губерний сумели потратить на водку больше, чем потребно было на хлеб для всех голодающих и семена для следующего сева?⁷

⁷ Ермолов, описывая продовольственную ситуацию в неурожайном для ряда губерний, голодном 1906 г., резюмирует: «В кампанию 1906–1907 гг. было израсходовано на ссудную помощь населению в 12 губерниях 128 329 т. р. Пропито же в них за 12 мес., с 1 мая 1906 г. по 30 апреля 1907 г., вина на сумму 130 505 т. р., т. е. на 2176 т. р. более той суммы, которую население в этих губерниях получило за предохранение его от голода и на обсеменение его полей» (Ер-

Почему, если нет пахотной земли, не поехать всей семьей туда, где дадут ее столько, сколько эта семья сможет вспахать? Неужели проще остаться с миром, с общиной и смотреть, как с голоду мрут твои дети, чем переехать со всей семьей в Маньчжурию, в кайсакские, в сибирские степи? Тем более что государство обеспечит подъемными и посевным материалом на первый год? И, кстати, тем, кто готов на такой переезд, выкупные платежи будут списаны немедленно. Я вам это гарантирую, господа крестьяне...

Поймите, даже если я отберу у всех крупных землевладельцев в Центральной России, включая церкви и монастыри, всю их пахотную землю и поделю между всеми крестьянами, то им выйдет прибавка лишь по одной десятине! Стоит ли тогда устраивать кровавую войну внутри России ради столь незначительных наделов?

– А почему война-то будет? – не понял задавший вопрос

молов, 1909, т. 1. С. 421). Масштаб цифр будет понятнее, если вспомнить, что построенный в США «Варяг» обошелся России в 5,9 млн руб., что броненосец типа «Полтава» стоил 9,2 млн руб., а типа «Бородино» – 14 млн руб. В «Истории СССР с древнейших времен» стоимость кораблей и вооружений, потерянных в РЯВ, оценивалась почти в четверть миллиарда рублей. К. Ф. Шацилло оценивал стоимость потерянных кораблей в 230 млн руб., а с учетом флотского оборудования Порт-Артура – в 255 млн руб. (Шацилло, 1968. С. 44). Порядок затрат понятен. Другими словами, сказанное следует понимать так, что жители лишь 12 (!) из 90 губерний и областей России всего за два года (при том что для большинства этих губерний оба были неурожайными) выпили водки на сумму, превышающую стоимость почти всех кораблей Балтийского и Тихоокеанского флотов вместе взятых, а также вооружений, уничтоженных и захваченных японцами в Порт-Артуре. Хорошо погуляли...

крестьянин, оторопевший от столь бурной реакции державного властителя.

– Голубчик, если я тебе прикажу отдать всю твою землю твоему соседу, у которого больше детей, чем у тебя, тебе это понравится? – немного успокоился Николай.

– Да шиш вот ему, а не мой надел, – мгновенно ответил землепашец и густо покраснел.

– А почему, интересно, помещики себя по-другому должны вести? – уже улыбаясь, спросил император. – И ведь свободная пахотная земля в империи имеется в достатке. Сейчас Петр Аркадьевич Столыпин дорабатывает проект выделения земли всем желающим. Любая семья, желающая получить надел на востоке, сможет подать на это заявку уже в феврале.

Для этого мы приняли решение разрешить желающим свободно выходить из общины с сохранением надела. Тем же, кто в общине пожелает остаться, будет оказываться помощь специально образованными аграрными комитетами. Они помогут и советом агронома, и еще кое-чем – семенами и хлебом в неурожайные годы. Волостные суды будут заменяться для вас на общегосударственные, так что ушлые старосты и кулаки силком никого удержать в общине не смогут. Земцам тоже накажу за этим особо приглядывать. Но за все это крестьянство должно будет оплатить увеличением производства хлеба. Иначе России наши огромные преобразования просто не потянуть. Со временем из общины, я так ду-

маю, должны вырасти добровольные объединения, скажем, коллективные хозяйства...

Услышав, что царь самолично предлагает организовать колхозы, Вадик поперхнулся чаем. Вроде он этот термин еще не упоминал, или все же как-то выскочило, но потом забылось? Николай же тем временем закончил краткое описание сути Столыпинской реформы. Она должна была начаться в мае, и ее планировалось провести без чрезмерного давления на не желающих выходить из общины крестьян.

В долгих спорах со Столыпиным Вадик убедил его для начала попробовать действовать больше пряником, чем кнутом. Первая волна переселенцев должна была состоять из тех, у кого было шило в заднице. Особая порода людей, которую Гумилев назвал пассионариями, вечна и есть у всех народов. Это люди, не способные спокойно сидеть на месте. Они осваивали Сибирь для России и Дикий Запад для Америки. Если нет свободных земель под боком, они устраивали революции или уезжали за море.

Каждый год из России при Николае уезжали десятки и сотни тысяч людей, как насовсем, так и на работу. В США ехали в основном евреи и поляки, в Канаду – украинцы и белорусы, в Аргентину – русские крестьяне. В Германию на сезонные сельхозработы ехали все подряд. Если бы удалось перенаправить на новые плодородные земли энергию хотя бы части крестьян, уезжающих за лучшей долей за океан...

Если поляки и евреи до сих пор уезжали в основном по

причине несогласия с национальной политикой, проводимой Россией, то остальным-то просто надо было кормить своих детей. Что на родине получалось, увы, не всегда...

* * *

По окончании беседы, продолжавшейся более трех с половиной часов под скрип перьев секретарей, записывавших каждое слово говоривших, Николай, неторопливо промокнув платочком усы, с улыбкой произнес:

— В завершение нашего столь сердечного разговора и чаепития, господа, хочу высказать уверенность в том, что армия наша покроет свои знамена славой не меньшей, чем наш доблестный, героический флот. Русские воины вновь доказывают, что они лучшие в мире, наша военная техника, созданная вашим трудом и талантом, прекрасно показывает себя в боях. Скоро эта навязанная нам война должна завершиться, враги получают по заслугам. И дай Бог, чтобы она стала последней не только во время моего царствования...

Услышав это оптимистичное заявление, Вадик про себя хмыкнул. Похоже, что в неизбежность грядущей Мировой войны Николай еще до конца не верил. Конечно, англичане себя сами покажут, сомневаться не приходится, но... Как же уже осточертело убеждать, уговаривать, доказывать очевидное для себя, но столь неявное остальным! Надоело до чер-

тиков! Плюс до кучи все остальное прогрессорство...

Как стахановец-многостаночник крутишься. Слава Богу, здоровье пока не подводит, и еще рядом Оленька, счастье мое...

«Сопутствующий товар»: все эти льстивые, угодливые взгляды придворных в лицо и шипение в спину. Вдовствующей императрице, конечно, давно уже донесли, что я не только танцую ее дочку, но и играю германскую карту, так что удивляться не стоит. Из великих князей – «дядьев» меня никто не замечает. Демонстративно. Но так и к лучшему, пожалуй. Из ближнего круга Николая накоротке сошелся с графом Гейденом и Ниловым, хотя общение с последним иногда заканчивается проблемами для печени. Для остальных – белая ворона...

Из кабинета министров нормальные отношения сложились только с Коковцевым, Плеве, Хилковым, Дубасовым, стариком Фридериксом и, слава Богу, со Столыпиным. Но и это уже немало. С остальными – или никак, или на ножах. Еще бы, царский любимчик, всего-то флотский докторишка, позволяющий себе наглость им подсказывать, что и как надо делать... Распутин в конце концов за это и убили, не повторить бы его незавидной судьбы. И какие идиоты добровольно лезут во власть, если, конечно, не пытаются награть побольше и побыстрее? Или фанатики типа Гитлера, или желающие любой ценой построить жизнь страны так, как им видится правильным, работяги-бессребреники типа Стали-

на...

Но, похоже, сегодняшнее событие поможет нам усилить свои позиции. На создание аналога ВЧК/НКВД/КГБ государь император теперь уж точно согласится. Не сглазить бы только, не дай бог. Иначе Сергей Юльевич до меня однозначно доберется раньше, чем мы до него.

Ладно, не будем пока о грустном. Хотя то, что эта хитрая лисица поняла, куда ветер дует, никакому сомнению уже не подлежит. Но при организации сегодняшней гапоновской провокации он прокололся, и притянуть его за покушение на цареубийство для серьезных профи вполне по силам. Главное, не дать ему сыграть на опережение, пустив по моему следу травных псов господина Азефа. А также не прогадать с кандидатурой. Василий утверждает однозначно: тут нужен Зубатов. Ну что ж, посмотрим, какой это Сухов... то есть Зубатов...

– Насчет детей, кстати, я вас понимаю прекрасно. – Вадика вернул в реальный мир голос Николая, который, кажется, подвел, наконец, встречу к запланированному финалу. – У меня самого наконец-то родился сын. И сейчас я бы хотел показать вам, господа депутаты, главную драгоценность моей семьи.

Из боковой двери показалась императрица со спящим младенцем на руках. Ее сопровождал дюжий матрос, который был выбран на роль «дядьки» наследника. По рядам де-

путатов прошел легкий восхищенный шепоток. Дети вообще умилительны, когда спят, а знать, что ты *первый* вне Зимнего дворца, кому показали наследника престола...

Вся депутация в едином порыве опустилась на колени перед будущим повелителем России, уютно посапывающим на руках у матери.

– Перед вами мой сын, – полушепотом произнес Николай, несмотря на недовольный взгляд шикнувшей на него супруги. – Я уверен, что у большинства из вас дома тоже есть такие же малыши. И ради них мы должны постараться при нашей жизни сделать Россию лучшей страной для жизни из всех, что только есть на Земле. А все, кто захочет нам в этом помешать, должны будут убраться с нашего пути. Или мы их просто сметем...

А теперь, господа, ступайте с Богом. Идите и расскажите русскому народу обо всем, что тут увидели и слышали. И да не оставит Господь благодатью своей матушку Россию и чад своих в грядущую судьбоносную годину.

Глава 2. Ночь в серпентарии

Санкт-Петербург.

Декабрь 1904 – февраль 1905 года

Когда «господа выборные», получив напоследок из рук государыни императрицы и великих княгинь Ольги и Ксении иконки с ликом святого Николая Угодника и нарядно расшитые мешочки с «царским подарком» – конфетами, леденцами, пол-литровым штофом гербовой, мельхиоровым столовым прибором на две персоны, а также фарфоровым блюдцем и чашкой с росписью в виде имперского двуглавого орла и царского вензеля, нестройной гурьбой потянулись из залы на выход, наступил критический момент дня.

Да, сами члены рабочей делегации были вполне удовлетворены и неформальным общением с Николаем, и данными им обещаниями. Хотя обещано-то было далеко не все из того, что Гапон со товарищи успели понаписать в так называемом верноподданническом адресе от имени столичного пролетариата. Но спокойная, доброжелательная речь и вполне доступная общему пониманию логика императора, а также время за чаем, данное аудитории на спокойное размышление над сказанным, свое дело сделали. Плюс еще и комплекс вины из-за сорвавшегося цареубийства, ширмой которого сами выборные могли оказаться, причем со всеми вытекающими печальными для них последствиями как соучастников...

Однако все еще оставались два больших «но», отделяющих от краха как эсеровско-виттевский план госпереворота с легким темзенским душком, так и безответственные, злобненькие великокняжеско-гвардейские намерения пустить бунтовщикам кровищу, свалив потом всю грязь, позор и народную ненависть на Николая.

Во-первых, пришедшие к Зимнему рабочие не знали, что главный заводи́ла-подстрекатель Гапон сейчас вовсе не среди их делегатов, а вместе с дружками сидит под замком в подвале дворца. И его затаенная, лишь раз как-то высказанная в узком кругу по пьяному делу мечта – «А что? Была династия Романовых – будет теперь династия Гапонов!» – уже накрылась медным тазом.

А во-вторых, несмотря на своевременную раздачу собравшимся на площади газет с подробным, доходчивым изложением позиции царя и правительства по каждой просьбе или, вернее, по каждому заявленному от их имени ультимативному требованию, толпа-то на Дворцовой поредела не шибко. Попивая дармовой царский чаек, перетаптываясь на морозе и, по-видимому, добавляя кой-чего горячительного от себя, тысяч двадцать пять народу терпеливо ожидали возвращения из Зимнего своей депутации и ее предводителя.

Многие периодически отправлялись к специально разложенным вдоль стен Генштаба кострам погреться, где о чем-то спокойно толковали с подходящими туда же и с той же целью служивыми. В руках у большинства рабочих были вид-

ны газетные листы. Очевидно, обсуждение царского ответа на петицию было главной темой всех этих толковищ и пересудов.

Да, внешне пока все смотрелось чинно и спокойно, было-го утреннего напряжения в воздухе уже не висело. Только как дело повернется после выхода к людям депутации, в которой не будет их вожака, пока не мог предсказать никто. Достаточно было одной искры, одного удачно брошенного в народ визгливого лозунга, и катастрофа была бы неизбежна.

Вадим знал, что при попытке толпы прорваться к Зимнему гвардейцы, не медля ни секунды, откроют огонь на поражение. А наблюдая за бесовскими искорками, скакавшими в глазах у царских дядюшек, особенно у Владимира Александровича, командовавшего гвардией, и генерал-инспектора кавалерии Николая Николаевича, не так давно получившего от финнов прозвище Бешеный Пес за успехи в деле усмирения в генерал-губернаторстве волнений, последовавших за убийством местным фанатиком столь ненавистного для поглядывавшей в сторону Стокгольма чухонской элиты генерала Бобрикова, сомневаться в том, что эти двое только и ждут момента, дабы «проучить взбунтовавшуюся чернь», не приходилось.

Осознавал все это и Николай: по тому, как деловито общались его дядья со своими генералами, как сновали из дворца на площадь и обратно их адъютанты, было понятно, что именно такого развития событий оба великих князя с нетер-

пением и ожидают. Причем ожидают с каким-то нездоровым, театрально кровожадным азартом, в котором больше было напускного безумия рабов зеленого сукна игорных столов императорского яхт-клуба, чем трезвой, рассудочной реакции понимающих весь риск сложившейся кризисной ситуации генералов.

Банщиков, стоя поодаль от суеты проводов депутатов в компании с флигель-адъютантами царя – графом Шереметевым, Оболенским и Свечиным, генералами Гессе и Ширинкиным – комендантом Зимнего и начальником дворцовой полиции, а также с только что подошедшими к ним Петром Николаевичем Дурново и министром двора бароном Фредериксом, мог со стороны понаблюдать за всей этой гвардейско-великокняжеской «собачьей свадьбой». Тем же, как оказалось, занимался и главный полицейский России, в сердцах, ни к кому конкретно не обращаясь, проронивший вдруг с грустной иронией:

– Эх, великие-то как клювики свои понавострили...

В ответ на его реплику умудренный немалым жизненным опытом за почти что семь десятков лет жизни, из которых более четверти века прошли в ближнем окружении царской семьи, Фредерикс печально улыбнулся и со вздохом добавил:

– Это еще ничего, любезный мой Петр Николаевич. Вряд ли они сейчас рискнут по собственному почину. Вот если бы государь не настоял третьего дни на том, чтобы Сергей Александрович сегодня оставался в Москве и смотрел за си-

туацией там, одному Господу ведомо, до чего бы все тут дошло... А так, даст Бог, может, утихомирится, уладится...

«Стало быть, вы, многоуважаемый Владимир Борисович, только успешно косите под тупого, оловянного солдафона, к тому же в роли смотрящего за "глупышом Ники" от зубров Священной дружины, если сразу и вполне правильно уяснили, *что* сегодня обещал самодержец рабочим депутатам. И понимаете, *как* отреагировал бы на это "дядя Сергей". Здорово, что "дядя Володя" с "Николашей" пока до сути не доперли. Но даю рупь за сто, через часок-другой и до них дойдет. Или разъяснят. Витте, а может, их дружбаны из посольств Лондона и Парижа. Главное, чтобы махать кулаками после драки им было бы уже поздно. Только бы Николай выдержал все это до конца!» – зажал палец в кулак на удачу Вадим.

Между тем развязка неотвратимо приближалась. Кульминационный момент, во многом определяющий, и не только для будущего «судеб российских», но и персонально для него. Припасенный к финальному акту разыгрывавшегося действия сюрприз господам сценаристам запланированной на сегодня братоубийственной бойни, подготовленный самодержцем при деятельном участии Банщикова и Лейкова-Фридлендера, явно застал тех врасплох.

И заставил-таки царских дядьев взглянуть на Вадима серьезно. Не только как на новую и, скорее всего, как это уже не раз случалось, недолговечную игрушку Николая. Или как

на мимолетный каприз его младшей сестренки, несправедливо обиженной недостатком мужского тепла в собственной семье. Или даже, в конце концов, как на неожиданно-негаданно болезненную занозу в дородной заднице братца генерал-адмирала: от молодого моряка, только что вернувшегося с войны, хлебнувшего там вволю флотского бардака и внезапно обласканного императором, этого вполне можно было бы ожидать.

Теперь же его увидели... И удивленные взгляды эти говорили примерно о том же, о чем говорит взгляд хомо сапиенса кусающему его сквозь носок комару... И что дальше? А дальше Вадику предстояло играть по-крупному. В этом он смог убедиться уже через несколько дней. Только вот игра такая могла стоять ему очень и очень дорого.

* * *

Был когда-то у Вадима один хороший приятель. Из той, невозвратно далекой уже, прошло-будущей жизни. Обитал он на одиннадцатом этаже в башне их институтской общаги и принадлежал к небольшой, но существовавшей всегда плеяде вечных студентов, которые академками и прочими правдами-неправдами продлевали свое существование в стенах вуза на несколько лет в сравнении с прочими недорослями-студiosiусами. Будущие карьерные минусы из-за отсутствия реального трудового стажа «по специальности» для

многих из них, уже фактически взрослых дядей, давно нашедших себе в столице стабильные источники дохода, безусловно перевешивались в их понимании некими разнообразными плюсами от пребывания в перенасыщенной юными восторженно-романтичными студентками среде.

Звали его Сосо, или Иосиф. И прибыл он на учебу в Златоглавую из замечательного грузинского городка Гори. Кроме великолепных продуктов местного домашнего виноделия город этот был замечателен еще и тем, что кроме сотоварища Вадика по факультету дал миру еще одного знаменитого сына. Сосо родился в доме, стоявшем всего через пару дворов от того, где на сто с лишним лет раньше увидел свет его тезка по фамилии Джугашвили. И в честь кого, естественно, был назван и он сам.

Будучи человеком от природы общительным, по-грузински хлебосольным, Сосо не чурался общества своих младших сокурсников. На таких вот посиделках за картишками Вадик впервые познакомился со всеми достоинствами домашней семидесятиградусной чачи, она хранилась в здоровенных десятилитровых бутылках, бережно упакованных в аккуратные, по их форме сделанные корзины. А также вкусил неповторимых ароматов домашних вин прямо из бурдюков: на родину Сосо летал часто и возвращался всегда с изрядным багажом.

В столице Иосиф устроился неплохо. Перепробовав много работ и ни на одной из них подолгу не задерживаясь, де-

нежку он имел, тем не менее, всегда, и вполне приличную. Но вот играть на деньги, это он не любил принципиально, ссылаясь на некий богатый жизненный опыт. Поэтому расписывали пулю обычно на анекдоты или житейские байки на общую потеху. Так Вадик и услышал одну занимательную историю из жизни вечного студента, к случаю вспомнившуюся ему сегодня...

Была зима. Снежная и довольно холодная даже по меркам средней полосы России. Горячий южный человек Сосо в ту пору подрабатывал ночным сторожем. В зоопарке. Зарплату там платили достойную, режимом особо не жали, да и крепкий хозяйственник градоначальник ко всяким зверюшкам вообще, а к зоосадовским в частности благоволил.

Обходя заведение, Сосо опорожнил наполовину заветную фляжку любимого коньяка «Греми» и начал подумывать, где бы устроиться покемарить, поскольку в сторожке, как на грех, его коллега решил уединиться с кем-то из запорхнувших на огонек и тепло электрокотла представительниц прекрасного пола – сегодня была его очередь. Оставшиеся варианты не сильно нравились. У кошек – воняет. У обезьян – шумно, что днем, что ночью. В любимом аквариуме – профилактика, как бы не побить там колбы-склянки всякие и прочие стекла... Так нелегкая занесла Сосо в серпентарий. К змеям. Ну а что? Тепло, тихо. Диванчик даже есть, кожаный, надежный, середины прошлого века...

Одним словом, устроился он там вполне сносно. Допил

под чурчхелу вторую половину живительного напитка, свет везде притушил, только лампочки подсветки в вольерах горят, да и залег на боковую.

Сколько ему удалось поспать – история умалчивает. Но той ночью вдруг приснилась Сосо старушенция из заслуженных зоопарковских ветеранов с ее невинным рассказом о пропавшем без вести пару лет назад здоровенном щитоморднике. И испарилась сия гадючина как раз из дальнего вольера в этом зале...

Проснулся наш бедняга в холодном поту, окруженный со всех сторон шипящими эфами, гюрзами, гремучниками, кобрами и прочими смертельно ядовитыми гадами. Причем накативший страх был такой силы, что буквально парализовал его: ни рукой пошевелить, ни голову повернуть. А шипение-то и вправду доносилось со всех сторон нешуточное. Кто знает, что в эту ночь побеспокоило зубастых чешуйчатых, может быть, раскатистый храп незадачливого сторожа? Но как сам Сосо признался, такого ужаса он не испытывал никогда в жизни, не сразу и поняв, что подползающие к нему змеи – всего лишь плод его богатого воображения во сне. «До инфаркта или инсульта мнэ, наверна, минута-две оставалась...»

Сегодня, поймав на себе *эти* взгляды царских дядьев, Вадик внезапно по-настоящему осознал, что мог почувствовать тогда бедолага Сосо...

Едва лишь за последним из депутатов закрылись двери на лестницу, Николай, быстрым шагом пройдя через всю залу прямо к Вадиму, совершенно неожиданно для подавляющего большинства окружающих, за исключением разве что Дурново и Ширинкина, заявил:

— Ну что же, Михаил Лаврентьевич, я готов. Отец Иоанн только что прибыл. Просите же господина Лейкова включать все: мы начинаем, как и договорились.

После чего, подзвав к себе Фредерикса с Гессе, направился в Кавалерский зал.

И когда через четверть часа из подъезда Зимнего начали выходить первые представители рабочей депутации, над главными воротами дворца, взметнув облачко снежной пыли, распахнулись настежь балконные двери. Перед народом и войсками предстал государь император. Вместе с ним вышли отец Иоанн Кронштадтский и несколько молодых флигель-адъютантов. Николай был в светло-серой офицерской шинели с полковничьими погонами на плечах и легкой фуражке вместо подходящей по погоде зимней папахи.

От неожиданности толпа внизу нестройно ахнула и притихла. Этим неизбежным, но коротким моментом замешательства как самих рабочих, так и эсеровских провокаторов, находящихся среди них, необходимо было воспользоваться.

Быстро подойдя к решетке ограждения, на перилах которой были видны какие-то темные предметы, похожие на перевернутые бутылки, без всякой паузы, не дав народу времени опомниться, Николай заговорил. И над онемевшей от удивления площадью неожиданно для всех собравшихся там мощно и гулко прокатились многократно усиленные смонтированными на фасаде Зимнего дворца громкоговорителями его слова:

– Рабочие Санкт-Петербурга! Гвардейцы! Все русские люди, кто стоит сейчас здесь и слышит... К вам обращается ваш государь. Сегодня среди господ депутатов, прибывших к нам с перечнем прошений от имени рабочих столицы, подосланы были к нам двое убийц с револьверами. Они, слава богу, арестованы. А ваш государь, как видите, жив.

При этих словах со стороны огромной толпы, подобно единому вздоху, пронесся приглушенный ропот удивления и возмущения. И в ответ на него царь, немного возвысив голос, продолжил, четко рубя хлесткие фразы:

– Мы не верим, что вы, господа рабочие, верные подданные короны российской, могли замыслить сие подлое дело. Посему мы рассмотрели ваши просьбы. И не сочли эту манифестацию мятежным бунтарством во время войны. Сами разберитесь с господином Гапоном: как такое могло приключиться? Завтра, после дачи показаний следствию, он будет освобожден.

Обязательно спросите у него: что случилось бы с вами, с ва-

шими чадами и домочадцами, приведенными им на эту площадь, ежели бы черное дело сегодня совершилось? Как бы ответили на цареубийство воины-гвардейцы? Понимаете ли, господа рабочие, что тогда ожидало бы вас? Армия обязана охранять порядок. Перед дворцом стоят пулеметы, а дальше – пушки с картечью...

С этими словами Николай указал жестом на шатры-палатки, стоящие вдоль дворцовых стен. Внизу раздалась команда: «Руби!» – и в тот же миг, почти одновременно, передние драпировки с них рухнули в снег, явив собравшимся восемь пулеметных расчетов со снаряженными «максимами» в положении «на изготовку».

Толпа качнулась, ахнула, загудела в замешательстве...

– Не беспокойтесь. Страшное уже позади. И для меня, и для вас... Но свершись цареубийство – это уже не беспорядки. Не манифестация. Немногие из вас ушли бы отсюда живыми... Или, может быть, так все и было задумано? Нам интересно: задумано кем? Ваши вожаки были заранее предупреждены, что вокруг дворца расположены войска, что провокаций допущено не будет. И теперь нам господин Гапон твердит, что он ничего не знал, не ведал... Нет этому человеку больше веры нашей! Нет. Отныне и впредь...

После этих слов император сделал многозначительную паузу. Над Дворцовой площадью повисла ватная, физически осязаемая тишина. Люди явно пребывали в шоке, не понимая, что же теперь им делать, а затесавшиеся среди них про-

вокаторы не были готовы к такому развороту событий и не рискнули предпринять что-либо: сначала убойная своей логикой газета, а теперь неожиданная речь царя, не испугавшегося выйти к народу. Что такое огонь восьми пулеметов в упор, тоже было понятно. Их противник явно перехватил инициативу, а за безрассудную попытку прямо сейчас призвать народ к штурму дворца толпа может запросто забить, стоптать.

Убедившись, что вступление речи достигло должного эффекта и народ почти не дыша внемлет каждому слову, Николай решительно перешел к главному:

– Что до ваших прошений, господа рабочие, нам депутатами переданных... Новое рабочее уложение законов принято будет с учетом пожеланий ваших. И в самом скором времени. Создание профсоюзов будет вполне дозволено нами, дабы они помогли разные несправедливости на заводах и фабриках поскорее прекратить. Народное представительство будет созвано нами после победы нашей над Японией. И после обсуждения с народными избранниками будет дарована нами всему народу русскому конституция! И еще...

Николай легким мановением руки остановил покотившийся было над площадью гул одобрительных выкриков.

– Четверых нерадивых путиловцев, тех, из-за которых кто-то взбаламутил чуть не весь город, на работе восстановят. Но пусть они помнят всю жизнь, что часы и дни этой вашей стачки будут оплачены кровью братьев ваших – русских

солдат и матросов, гибнущих сейчас на войне. Тех, кому из-за вашего простоя не хватит патронов и снарядов, чтобы отбиться от лютого врага!

Подумайте, кому желательна забастовка на лучших заводах в военную пору? Может, японцам? Подумайте, кому выгодно требовать от нас, прикрывшись вашими телами, амнистии политическим преступникам – тем, кто, получив свободу, тотчас агитировать за новые стачки и погромы станет? И это во время войны! Не японцам ли и их прихвостням?

Теперь ступайте с миром и честно трудитесь. Милостью своей мы вас не оставим. Да не оставит Господь нас всех и матушку Россию! В добрый час! Пусть благословит вас отец Иоанн на подвиг не ратный, но трудовой. Во имя скорейшей победы над неприятелями Родины нашей...

Через час, в сумерках, Дворцовая площадь была пуста. Сочетание эффекта внезапности от первого применения мощных громкоговорителей с тщательной проработкой текста речи царя и неоднократными репетициями ее произнесения свое дело сделали. Один из потенциально самых опасных кризисов в истории империи миновал, оставшись лишь рядовым из множества прочих памятных эпизодов.

Казалось бы, им можно торжествовать. Но Вадим форменно пребывал в ступоре. Случилось непоправимое: то ли перенервничав, то ли просто торопясь довести ситуацию до правильного разрешения, государь обращением к нему при всех, в том числе и при дядюшках, открыто показал истин-

ную роль своего фаворита в произошедших событиях.

* * *

Когда Николай и Ольга с Банщиковым утром разбирали этот эпизод, расстроенный подпущенной им каплей дегтя в бочку меда их общего успеха самодержец, тяжело вздохнув, констатировал:

– Да, к сожалению, вынужден признать... Это была моя большая ошибка. Сам не понимаю: как так получилось? От дяди Владимира и Николаши теперь можно ждать разных гадостей. Сергея они тоже непременно накрутить попробуют. Но что сделано, то уже сделано. Будем «разруливать», так ведь говорят у нас на флоте, Вадим? – Он невесело рассмеялся. – Когда-нибудь они все равно бы поняли, кто есть кто. Так что теперь мы хоть знаем, какую проблему предстоит решать в самом скором времени.

«Самое скорое время» наступило через три дня. Хмурый и неразговорчивый с утра Николай, неожиданно отменив все дела в Зимнем, засобиравшись в Царское, пригласив Ольгу и Вадима сопровождать его. Вместо кареты им подали закрытый санный возок: судя по всему, царь не пожелал ехать поездом.

Вадим, забираясь внутрь экипажа последним, неожиданно обнаружил, что поедут они не втроем, как он предполагал сначала. Рядом с Николаем сидел, укутавшись в медве-

жью шубу и надвинув на глаза большую меховую шапку, еще один человек. Причем, по-видимому, поджидавший их довольно долго, что было заметно по морозному румянцу на его щеках. В человеке этом он тотчас узнал Петра Николаевича Дурново.

Поздоровавшись со всеми, главный полицейский России, чему-то явно удивившись, улыбнулся про себя. Но промолчал, ожидая, что скажет государь, собравший их всех сегодня в такой компании.

Когда возок тронулся, Николай неторопливо обвел глазами всех присутствующих, после чего спросил у Дурново:

– Вы уверены, Петр Николаевич, что вас никто не видел, кроме моих офицеров?

– Вполне, государь. Хотя и не понимаю смысла всей этой конспирации, откровенно говоря.

– Прекрасно... Итак, я всех нас поздравляю. У нас крупные неприятности. А кое у кого даже очень крупные. Но мы теперь в одной лодке, вернее сказать в одних санях, так что и выкручиваться будем все вместе... Что, дорогой мой Петр Николаевич, царь-заговорщик – это что-то с чем-то? Я правильно понял ваш взгляд, да?

– Ну, не совсем так, ваше величество. Но, по правде сказать, все это действительно немного интригует, – усмехнулся Дурново.

– Все интриги между нами сегодня заканчиваются. Наступает время откровений. И начать я хочу именно с вас, Петр

Николаевич. А именно – я прошу вас повторить здесь и сейчас все, что вы мне вчера вечером рассказали.

– Но... Государь, это было сказано только для вас. Чтобы вы сами...

– Я сам и принял решение. Поэтому и прошу вас. Будьте добры, причем с теми же рекомендациями, которые вы мне дали в итоге. Пожалуйста... Так надо.

– Слушаюсь, ваше величество...

По тому, как это было сказано, было понятно, насколько кардинально мнение самого Дурново не совпадает с мнением Николая. Но ничего не поделаешь. Желание императора – это больше, чем закон.

– Спасибо.

– Итак... Позавчера к обеду, было ровно двенадцать тридцать, я как раз тогда посмотрел на часы... Получаю я приглашение прибыть во дворец великого князя Владимира Александровича к ужину. Это меня крайне удивило. Но, естественно, ответить отказом я не мог.

Как оказалось, застолье готовилось в крайне узком кругу. Присутствовали вначале сам великий князь Владимир, а также великий князь Николай Николаевич и их адъютанты. Причину столь интимного и скоропалительного приглашения мне сперва никто не прояснил.

Мы устроились в малой нижней гостиной, причем все уже было накрыто. Прислуги не было вовсе. После нескольких тостов и закусок Владимир Александрович велел адъютан-

там удалиться, и мы остались втроем. При этом должен отметить, что если он сам был спокоен и улыбочив, то Николай Николаевич, напротив, был нервен и возбужден чем-то до звона шпор...

Но сейчас, простите, ваше величество, я вынужден сделать краткое отступление. Персонально для ее императорского высочества великой княгини Ольги Александровны и господина Михаила Лаврентьевича Банщикова, присутствующих здесь.

– Конечно, Петр Николаевич, конечно. Это вы меня простите, что подвергаю вас сейчас столь тяжкому испытанию. Но надеюсь, что уже скоро вы не будете в обиде на меня.

– Прошу меня простить, но все то, что вы сейчас услышите, предназначалось мною исключительно и всецело для слуха государя императора. И единственно верноподданнический долг заставил меня нарушить клятву держать в полном секрете услышанное за столом у великого князя Владимира Александровича. Снисхождения, как клятвопреступник, не ищу, лишь поясняю причину. Еще раз прошу прощения...

Итак, я продолжаю. Опуская все мелкие подробности и порядок беседы, суть всего высказанного мне обоими великими князьями сводится к следующему.

Во-первых, они осведомились, вполне ли понимаю я, что при введении конституции и народного представительства (далее почти их словами) бардака и непотребства будет много больше, нежели при самодержавии, и распоясавшуюся

чернь загнать потом в стойло будет трудно, а начальнику департамента полиции все это разгребать. На это я кивнул утвердительно. Николай Николаевич резко уточнил про мой «прошлый либерализм» в смысле: остался ли он в прошлом? Не желая развивать эту тему, поскольку либералом-нигилистом себя никогда не считал, я также ответил утвердительно.

Во-вторых, они спросили меня, готов ли я сохранять в полной тайне то, что они намерены мне изложить, и ради чего, собственно, я был приглашен. Понимая, что речь может пойти о вопросах особенной государственной важности, которые могут и даже, скорее всего, входят в мою сферу деятельности (иначе зачем я им надобен?), я ответил согласием.

После сей прелюдии мне довольно пространно разъяснили их пропозицию, кратко сводящуюся к следующим моментам. После речей императора в Кронштадте о народном представительстве они посчитали это словами на потребу дня. Война, забастовки нужно было пресечь, желательно не доводя до репрессий.

Но когда во время приема вожаков бунтующей черни в Зимнем вместо их немедленного ареста и общего безжалостного разгона всей толпы император пообещал смутьянам не только это самое представительство, но и конституцию, они поняли, что либо император серьезно болен, либо находится под неким нездоровым влиянием. Во всяком случае, ни они, ни гвардия ничего подобного не могут допустить. Россия — самодержавная держава, так предопределено свыше.

К счастью для императора, по его поведению в тот день они остались почти уверены, что причиной этого, простите, ваше величество, «горячечного бреда» является не душевная немощь ваша, а одна «совершенно ничтожная личность», появившаяся недавно по воле императора в его ближнем кругу. Речь зашла о вас, Михаил Лаврентьевич...

Поскольку война, очевидно, идет к концу, ситуацию с заявленными реформами они намерены взять под контроль. И первый шаг им видится в вашем немедленном удалении от особы государя. Причем Николай Николаевич стоит сразу за жесткий вариант – полицейская провокация, бомба террориста, несчастный случай.

Владимир Александрович, и, судя по его репликам, не он один, желает сперва вашего ареста. Причем тайного, дабы государь ничего не знал и никого не заподозрил. Для этого в первую очередь я ему и понадобился. Это дело нужно организовать. Как и последующий допрос. Или допросы. Куда вас доставить, мне были названы варианты. Один поразительный – подвал особняка господина Витте на Каменноостровском. Он желает знать о вас всю подноготную. И главное, кто и зачем вас подослал в Зимний. Подозревают наместника Алексеева, но не вполне уверены в своей версии. Так что, сами понимаете...

– По всему у них выходит, что жить Михаилу Лаврентьевичу осталось недолго?

– Никаких сомнений... На все это я ответил, что готов

для начала установить слежку и, по возможности, постараться организовать перлюстрацию. Я старался убедить их, что время еще есть, надо подготовить грамотный арест, поэтому не стоит так безрассудно торопиться. Поступить же сразу так, как того настоятельно требует Николай Николаевич, не вполне целесообразно.

В ответ Николай Николаевич закричал, что «его офицеры готовы порвать зубами по первому его приказу» господина Банщикова. Но Владимир Александрович его скоро успокоил, заявив, что «главное – сперва проверить то, что находится у Михаила Лаврентьевича в голове, в смысле информации, а не какого цвета у него мозги». А потом, послушав его, они решают, что нужно делать с... простите, ваше величество, с «этим двинутым Николя и его гемофиличным дохликом»...

Оба они были уже изрядно навеселе и долго смеялись над этой, с вашего позволения, шуткой. Я старался поддерживать компанию, но без излишества. В завершение мне было заявлено, что во мне, как в старом члене «Священной дружины», они не сомневались никогда. Мне было велено раз в неделю извещать кого-либо из них, как идут дела и когда вы, Михаил Лаврентьевич, будете готовы для откровенной беседы с ними... Такие вот дела...

А предложений моих было, да и есть (больше я ничего не надумал), три. Либо мы на время прячем Михаила Лаврентьевича, инсценировав его смерть, что позволит потянуть до

принятия каких-то мер к господам великим князьям. Либо их сразу нужно арестовывать и начинать следствие. Либо государь может, не откладывая этого, сперва в личной беседе постараться убедить своих родственников в их неправоте. И уже по результатам этой беседы принимать дальнейшие решения.

– Да. Дела наши как сажа бела... Оленька, успокойся...

Возок, поскрипывая и покачиваясь, быстро катил по зимней дороге. Какое-то время все молчали. Затем вновь заговорил Николай:

– Так вот, любезный Петр Николаевич, откровенность за откровенность. И верность за верность. Действительность же такова, что у нас нет времени для условностей. Поэтому я решил, что Михаил Лаврентьевич сейчас расскажет вам, кто он такой, как здесь появился и кто его к нам послал. Чтобы вы не подумали, что он маг, спирит или медиум, овладевший рассудком государя. Мы с Ольгой Александровной подтвердим вам его рассказ фактами, чтобы вы вполне убедились, как все серьезно. И на что, в силу своей дремучести и злобности, готовы замахнуться мои милые дядюшки. Попытка мятежа и цареубийства – сущий пустяк в сравнении с этим, банальный и вульгарный...

Через двое суток Петр Николаевич Дурново запишет в своем дневнике: «Несомненно, события вчерашнего дня, когда до Петербурга дошли известия о грандиозной морской победе под Порт-Артуром, сделали сенсацию и потрясли

многих до глубины души. Причем очевидно, что не только лишь в России. Про себя же, не кривя и не лукавя, должен отметить, что, находясь всецело под впечатлением события, приключившегося со мною накануне заслуженного торжества наших моряков, отнесся я к добрым вестям с Дальнего Востока буднично. Как к чему-то вполне естественному и должному...»

Биографы российского премьера так и не смогли выяснить, о каком именно событии, случившемся при участии Дурново за день до Шантунгской победы, шла речь.

Из воспоминаний генерал-лейтенанта генерал-адъютанта, председателя ИССП (1905–1921 гг.) графа С. В. Зубатова «Мои песочные часы»

МилиТерра, Москва, 1946 г., издание 2-е, дополненное биографической справкой

Итак, мои песочные часы опять перевернули. В третий раз.

Добравшись кое-как из захолустного Владимира до Первopрестольной, никуда не заходя и ни с кем не встречаясь, сразу на вокзал. Повезло, поезд уходил через сорок минут. Есть время на стакан горячего чаю и бублик с маком в вокзальном буфете.

Пока отогреваюсь у метлахского печного бока, быстро просматриваю свежую газету. Ну конечно, главная новость – определен срок восстановительных работ на Кругобайкал-

ке. Четыре-пять месяцев. Судя по всему, туннель там рвануло основательно. Версий три: японцы, радикалы, националисты. Я бы, пожалуй, прибавил – или наше головотяпство. Но нет, «по заслуживающим вполне доверия сведениям, состав был загружен исключительно продовольствием и предметами обмундирования для нашей маньчжурской армии»... Значит, не сами.

Наконец, колокол... Гудит паровоз. Дернул. Еще раз... Поехали... Москва постепенно уходит вдаль. Дома мелькают. Тянут в небо дымки деревни. Скоро вечер. В вагоне хорошо натоплено. И от окна, слава богу, стужей не тянет. Хорошо все-таки ехать первым классом.

Билет на меня действительно был записан, так что все серьезно. Однако так и подмывает: в который раз берусь перечитывать письмо. Так коротко, без прелюдий: «Сергей Васильевич! Прошу вас прибыть в Петербург возможно скорее, вам назначена личная аудиенция. Дело крайней государственной важности. Дату прибытия либо невозможность выезда телеграфируйте». И подпись: «Личный секретарь ЕИВ по военно-морским делам Михаил Лаврентьевич Банщиков». В письме его карточка, пятьдесят рублей ассигнациями и квитанция на билет 1-го класса.

Ну, допустим, кто таков этот Банщиков, мне и в ссылке стало известно. И то, как скоро преобразился в делах император, после того как приблизил к себе прибывшего с Дальнего Востока морского доктора, участника славного дела при

Чемульпо, я понимал прекрасно. И искренне радовался, что судьбе было угодно так устроить, что в тяжкий для отечества час возле Николая Александровича оказался не очередной пройдоха или проходимец, а серьезный боевой офицер. И не какой-нибудь старый интриган, не случайный мистик французского разлива вроде разных мсье Филиппов или Папюсов, а, если судить по фотографиям в газетах, бравый молодец, кровь с молоком.

Но все-таки из письма однозначно не следовало, кому я понадобился столь срочно. Автору письма-записки или все-таки самому государю, если аудиенция? Если все это не предлог, чтобы добыть меня для какой-либо мутной придворной интриги... Если так, то нет, увольте. Не мое-с... Но, как говорится, утро вечера мудренее. Выпив еще чайку и поговорив о всякой ерунде с соседом по купе, лесничим из-под Пензы, устроился спать...

Столица встретила снегопадом. Мягким, пушистым. Здесь много теплее, чем в Москве, крещенские так не трещат. Взял тут же извозчика, и покатили. Шуршат полозья, с парком покрикивает возница с облучка... Последний раз ехал Невским полтора года назад, стояла августовская жара. Тогда ехал в другую сторону, уже как «неблагонадежный». Провожали самые близкие коллеги, бесстрашные и честные. Да еще господин Гапон, чуть не подведший к государю убийц в декабре. Приходил, как я теперь понимаю, окончательно уверовать, что вся работа по созданию объединений рабо-

чих, что шла до того под моим началом, остается выброшенной в хлам и можно кое-чем постараться воспользоваться, поживиться. Как же мне неприятно было вдруг осознать, что в свое время я серьезно ошибся в этом человеке...

Вот уже и Зимний скоро. Но к самому дворцу ехать почему-то не хочется. Прошу возницу остановить.

– Тпр-ру-у, родимая...

Стали на углу Морской, напротив арки Генштаба. Расплатился, как обычно, не мелочась. Этому «как обычно» усмехнулся в душе: по карману ли шик?

– Благодарствуйте, ваше сиятельство!

– Какое же я тебе сиятельство, голубчик...

Гнедая протяжно фыркнула на прощанье, скосив на меня большой добрый глаз.

– Это вам к удаче, барин. Она вещуха у меня! Коль сейчас не «сиятельство», так, стало быть, станете! – крикнул весело так и укатил...

Дальше пошел сам. Снег так и валит. Я налегке, со мной лишь маленький дорожный саквояжик. Захожу с черного. Карточку офицеру-гвардейцу. Козырнул и просил подождать. С карточкой споро ушли наверх. С сапог и шубы натекло немного. Неудобно, но что делать...

Банщикова узнал сразу. Стройный, подтянутый, как на газетном фото. Длинная морская шинель, фуражка, гвардейские усы, приветливый взгляд. Крепкое рукопожатие теплой, сухой руки. Доброе рукопожатие. И сразу с места неожидан-

но:

– Едемте! Государь нас ожидает.

Пока переварил известие, выходя за Михаилом Лаврентьевичем из дворца, даже не заметил, как подкатил закрытый санный возок. Сзади шестеро казаков личного конвоя, все при оружии...

– В Царское!

Забираемся внутрь. Уселись. Лошади взяли резво, с гиком за нами казаки... Банщиков весел и непринужден.

– В поезде поспать удалось, Сергей Васильевич?

– Конечно. Человек с чистой совестью всегда хорошо спит.

– Слава богу, значит мы с вами немного коллеги. Но я еще, бывает, громко храплю, что соседям по купе не нравится. Кстати, вы перекусили чего-нибудь или сразу с вокзала?

– Честно: сразу с вокзала.

– Значит, предчувствие меня не обмануло...

Банщиков не спеша забрался под свое сиденье и, вытащив тщательно укутанную корзинку, добыл оттуда пироги и бутылку еще горячего чая. Поблагодарив за заботу, я предался трапезе с наслаждением. Оказалось очень кстати.

Дожевав последний пирожок, спрашиваю:

– Михаил Лаврентьевич... Цель моего столь неожиданно-го вызова вам известна или я все узнаю непосредственно от его величества?

– Вполне известна. Пока мы катим до Александровского

дворца, как раз предварительно все сможем обсудить.

– Вы действуете по указанию Николая Александровича?

– Безусловно.

– Тогда чем могу быть полезен? С моей-то «неблагонадежностью»?

– Сергей Васильевич, о чем вы... Какая неблагонадежность? Но, действительно, к делу. Если коротко: с вашим уходом Третий департамент преследуют весьма серьезные неудачи. Про инцидент с подачей петиции гапоновцев царю вы из газет, конечно, знаете. Затем диверсия на Транссибе. Слава богу, не раньше на несколько месяцев... Возникающие стачки из чисто экономических буквально по прошествии нескольких часов становятся радикальными, выбрасывают политические лозунги и требования. Итог ясен: нагайки, аресты и... Ответная реакция, вплоть до террора.

Связаны эти неудачи, по мнению государя, конечно же, со стилем работы Вячеслава Константиновича. Он убежденный государственник, весьма жесткий человек, под его чутким, неусыпным руководством полиция и жандармы неплохо пресекают и искореняют. По факту происшедшего. Но работа на опережение... С этим, увы, проблемы. И пока про света никакого не видно. Поэтому...

Перебиваю:

– Мое отношение к методам работы господина фон Плеве, вы, конечно, знаете?

– Конечно.

– И понимаете также, надеюсь, по каким именно причинам я намерен *никогда* не общаться с этим... С этим господином лично, а тем более по служебным делам?

Вопрос повисает в воздухе... Банщиков внимательно смотрит на меня. Наконец отвечает, тоже вопросом:

– А если государь вас попросит, как тогда?

Так же внимательно смотрю на него.

– Михаил Лаврентьевич... Я, может быть, дерзость сейчас скажу, но если речь пойдет о моей работе с господином Плеве под одной крышей, то уж лучше высадите меня прямо здесь! А государю императору передайте, пожалуйста, мое верноподданническое глубочайшее почтение и сожаление. Но с этим человеком в одном ведомстве я не буду служить. Увольте-с!

Банщиков, чувствуя, как я распаляюсь, неожиданно улыбается, кладет мне руку на руку, которой я нервно сжимаю ручку моего саквояжика.

– Сергей Васильевич, дорогой, поставьте обратно свой саквояж, ради бога. Никто не собирается вам предлагать службу под Плеве или мирить с ним. Придет время, если захотите, сами во всем с ним разберетесь. Но тогда, полтора года назад, вы понимаете... Вас просто очень профессионально подставили. Сиречь выставили козлом отпущения за то, чего вы не совершали. И сделали это хладнокровно, обдуманно. Даже, если здесь уместен такой термин, красиво. И могу Вас обрадовать: сейчас я уже без сомнения точно знаю,

кто именно был режиссером сего многоходового действия.

Молчу. Хотя вопрос так и рвется...

– Это сделал господин фон Витте.

– Но...

– Да-да. Именно он. Злейший враг Плеве. Его вполне устраивала ситуация, когда два его врага перегрызутся не на жизнь, а на смерть.

– Я?! Я враг Сергея Юльевича? Вот уж...

– Это вы себя не считали его врагом. А вот он вас считал. Причем весьма и весьма опасным. И рассчитывал сперва вашими руками, точнее руками вашей агентуры, прикончить своего конкурента на поле влияния на государя – господина Плеве, а затем, вернув себе реальную власть, разобраться с вами. Ведь вы уже слишком много знали... Да, донес на вас именно он, а вовсе не старик Мещерский.

Но не только ваша информированность страшила Витте. Это цветочки. А где ягодки? Объясню вам как дважды два. Вы, милостивый государь, своей так называемой «зубатовщиной» организовывали рабочих практически в профсоюзы. Пусть зачаточные, односторонние, ущербные в чем-то, но для фабрикантов и капиталистов не менее от того страшные. Понимаете, чем? Вы отбирали у них деньги! Для рабочих, конечно, для их детишек, впроголодь живущих, не себе любимому. Но им-то, господам предпринимателям, от этого веселее не становилось. Может быть, это были как раз те самые деньги, которые они планировали отдать эсерам или эсдекам

на дело буржуазной революции!

Другое дело, если бы вы денежку «отпиливали» себе в карман. С подобными типами они умеют быстро решать вопросы. Полюбовно. Но вы – другой случай... Вы попытались изменить для них правила игры в государственном масштабе. Вы радели за интересы государства и не скрывали этого. Вы доказывали императору, что государство, власть должны стать арбитром в борьбе труда и капитала. И вы оказались вдобавок неподкупным чиновником! Форменной белой вороной! Моральным уродом в их понимании! И были просто обречены стать их врагом.

Да вы, собственно говоря, и сами, не таясь, вызывали их на бой. Ваша идея сдержек и противовесов – в данном случае «прикормка» рабочих в противовес «нахальной» буржуазии? Вы ведь в письме к Ратаеву черным по белому свои взгляды предельно четко изложили, по пунктам. Чистосердечное признание – царица доказательств, не так ли?

– Но, простите, это же частная корреспонденция! Как оно оказалось... Хотя про «царицу доказательств» – да... Сильно сказано.

– Поверьте мне на слово, эта информация ушла не через него. Но, как вы понимаете, осведомлен о вашей позиции по данному вопросу не только я... Однако закончу свою мысль. Вы же прекрасно понимаете, кто при государе Николае Александровиче всегда был агентом промышленной и банковской буржуазии? Можно сказать, первейшим вырази-

телем их интересов? Правильно, Сергей Юльевич. Ему в вашем клинче с Плеве нравилось все. И по большому счету, ваша голова на подносе, любезный Сергей Васильевич, была нужна ему не меньше, чем голова министра. Если бы вы, посредством господина Азефа и его подручных, помогли ему разобраться с Плеве, вы тотчас угодили бы не в ссылку во Владимире, а в Шлиссельбург.

Только вот незадача, вы ему отказали! И он немедленно оклеветал вас перед патроном. Но не в отместку, а в надежде, что тот, как разъяренный носорог, вас стопчет, а вы от ярости и обиды сметете его с доски. Физически. И тут наш финансовый гений в вас ошибся: нельзя же всех мерить по себе. – Банщиков тонко усмехнулся. – Неужели вы, с вашей-то проницательностью легендарной, не догадывались о таком раскладе?

– Догадывался о чем-то подобном. Но, к сожалению, уже потом, во Владимире. В тот же момент, к своему стыду, должен признаться, эмоции взяли верх, увы. Да и доброхоты разные подсобили... Ежели начистоту, позже я понял, что наступил в столице на нечто большее, чем вся эта история с рабочими союзами. Она-то как раз на виду, как и все брожение в рабочей среде. Но есть опасность, укоренившаяся много глубже. И она куда опаснее...

Еще за пару лет до отставки очевидным для меня стал стремительно идущий процесс финансового закабаления России международными банковскими синдикатами, еврей-

скими в первую голову. С целью политического подчинения в будущем. И его требовалось срочно остановить, поскольку их удавки протянулись уже слишком высоко. Результат этой ползучей агрессии мне видится только один – войны за чужие интересы, расчленение и гибель империи...

Плеве же в этом вопросе просто, простите, ни черта не соображал, как не соображает до сих пор. И никогда соображать не будет. Поэтому его нужно было срочно убирать. А получилось... Получилось так, как получилось... А ведь мной были подобраны детальные досье практически на девяносто процентов наших банкиров, отработаны их связи и там и здесь! Я-то тогда полагал, что это поможет Сергею Юльевичу манипулировать ими на благо империи, а оказалось... Но, как я понимаю, ваше появление при дворе каким-то непостижимым образом помешало подрывным планам фон Витте?

– В некотором смысле... А то досье, о котором вы упомянули, оно у кого?..

– Полагаю, что подлинное уничтожено.

– Подлинное?

– Сохранилась копия. Я, хотя не имел права, переписывал для себя практически все значимые факты, чтобы дома иметь возможность спокойно проанализировать, когда никто не мешает. По ночам думается лучше...

– И что? Эти записи существуют до сих пор, Сергей Васильевич?!

– Да. Вот в этом саквояже лежит моя синяя рабочая тетрадь. Только Плеве никог...

– Господи! Да оставьте же вы его в покое, наконец, Сергей Васильевич! Давайте пока забудем о нем. Он и так до сих пор в прострации после того, как чудом избежал смерти!

– То есть?

– Готовившееся покушение на министра внутренних дел боевой организацией партии социалистов-революционеров было сорвано месяц назад. Исполнители уничтожены при попытке оказать сопротивление аресту. Все. Кроме его главного организатора, господина Евно Фишлевича Азефа...

Удивились? Понимаю... Пес решил укусить хозяина. И, скорее всего, преуспел бы, не убери вовремя государь господина Лопухина. Да-да, этот субъект обманывал не только вас. Так что не расстраивайтесь слишком сильно... Подонки пока на свободе, но вряд ли он догадывается, что его подлое двурушничество открыто. Ибо перед смертью несостоявшиеся бомбисты рассказали все...

Но вернемся к господину Витте. План бывшего премьера по водворению в кресло министра внутренних дел записного либерала Святополк-Мирского перед походом Гапона рухнул в небытие. Кроме того, появились и некие улики, изображающие самого многоуважаемого Сергея Юльевича в косвенной причастности к этому замыслу. Как и к попытке прикончить меня... Но это длинная история. Возможно, вскоре я вам ее расскажу. Хотя это будет зависеть в первую очередь

от итога вашего разговора с императором.

Скажу больше, после отставки Сергей Юльевич начал подумывать об устранении государя. Да, вы не ослышались... Не зря же он так старательно обхаживал в свое время Михаила Александровича. Про запас на самый крайний вариант, наверное... По полному секрету: господину Лопухину эту идею Витте высказывал лично. И тот об этом Плеве... не сказал ни слова! Так что назначение Дурново шефом департамента имело свои корни. А уж окончательно наш герой засветился с эсеровско-гапоновской петицией. И всем тем несостоявшимся ужасом, который вокруг нее замышлялся... Что, совсем весело стало, да? – подмигнув, спросил, соображаясь, по-видимому, с выражением моего лица, Банщиков.

Что было ответить? Молчу... После чего он продолжил:

– Для нашего с вами понимания ситуации важно то, что с ролью цепного пса в кресле министра внутренних дел Плеве, несмотря на его определенный дубизм и склонность к шаблону, пока вполне справляется. Ну и бог с ним! Пока полицией рулит Дурново, он до взрыва страну довести не даст. Поэтому вся эта громкая активность фон Плеве...

– Для меня лично, Михаил Лаврентьевич, важно лишь то, что я не готов быть его подчиненным. Это после всего, знаете ли...

– Вот и славно. Если мешало лишь это, значит, присказка закончилась. Переходим к делу, приведшему вас сегодня сюда. Сейчас вокруг предстоящих реформ и дальнейшего по-

литического курса страны, как внешнего, так и внутреннего, даже вокруг самого государя императора и членов его семьи, стягивается паутина из различных враждебных сил. И в своих действиях они пока идут на шаг впереди нас. Ибо их действия, где очевидно, а где втемную, контролируются из одного центра. Из какого именно, мы уже нащупали. Получается, что и вы, собирая это досье, были в шаге от разгадки...

Стоящие за всем этим силы поставили своей целью мировое господство. Первейшая их задача на пути к нему – демонтаж трех крупнейших европейских империй. Эти силы скрытны, могущественны, беспринципны, безжалостны. К своей цели они идут почти три столетия. И борьба с ними может закончиться для России трагически. Во всяком случае, борьба честная, в которой пристало действовать с открытым забралом. Если сражаться так, наши шансы мизерны и иллюзорны.

Конечно, некоторые превентивные меры государю удалось предпринять, но они далеко не достаточны. Да, и Витте, и Ламсдорф отправлены Николаем Александровичем в отставку, и кое-какие принципиальные моменты, которым они яростно пытались противостоять, уже свершились. С другой стороны, возможно, уже плетется заговор крупной банковской и промышленной буржуазии. У них в руках деньги, причем деньги колоссальные... Поэтому очень здорово, очень важно, что цела ваша синяя тетрадь...

Активизировались и явные внешние враги, кстати. Ан-

глия взбешена нашими военными успехами и развернула против нас тайную войну на всех фронтах, в том числе на информационном. Оцениваете накал безостановочных русофобских завываний лондонской прессы? Ага, она же у них «свободная»!

Англичане еще весной замкнули на японского резидента в Стокгольме полковника Акаши, ныне покойного, большинство своих рычагов влияния на наши радикальные партии и националистов всех мастей, а кроме того, тайно субсидировали его деятельность. Внешне все это выглядело как операция японской разведки по внутренней дестабилизации положения в противной державе, и Лондон как бы вовсе ни при чем...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.